В. Б. ѲОМИНЪ.

СРЕДИ КУЛЬТУРНЫХЪ ВАРВАРОВЪ. 14 МѢСЯЦЕВЪ ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

В. Б. ѲОМИНЪ.

СРЕДИ КУЛЬТУРНЫХЪ ВАРВАРОВЪ.

14 мѣсяцевъ въ германскомъ плѣну.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Изданіе состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА. Петроградъ, Мытнинская ул., № 27.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 21 марта 1916 г.

Тип. Имп. Ник. воен. акад. Петроградъ, Суворовскій пр., 32-б.

I.

Утромъ, 29-го августа 1914 года, въ разгаръ боя подъ городомъ Гольдапомъ въ восточной Пруссіи, раненый въ правую руку и обѣ ноги, я скатился съ шоссе на открытую болотистую низину; впереди меня шагахъ въ 50—60 раскинулась на возвышенностяхъ роща, занятая нѣмцами, а позади тянулась довольно высокая насыпь шоссе, надолго отдѣлившая меня отъ товарищей.

Не могу передать то, что я испытывалъ въ первый моментъ, когда безсильный, съ перебитыми ногами очутился одинъ передъ нѣмецкой цѣпью; всѣ впечатлѣнія были для меня настолько неожиданны и новы, что не поддаются описанію; никакого опредѣленнаго чувства не было, а былъ какой-то хаосъ ощущеній, и среди нихъ инстинктивная надежда на то, что товарищи меня выручатъ. Но увы, вскорѣ увидѣвъ, что малѣйшая ихъ попытка приблизиться ко мнѣ вызываетъ жестокій огонь нѣмцевъ, я понялъ, что товарищамъ не выручить меня; и тутъ мною внезапно овладѣло жгучее неодолимое желаніе самому спастись отъ плѣна, спастись во что бы то ни стало. Все померкло передъ этимъ желаніемъ, и я, не отдавая себѣ никакого отчета, напрягая послѣднія остатки силъ, началъ ползти вдоль шоссе.

Физическая боль отъ ранъ не мѣшала мнѣ: я ее почти не чувствовалъ; но для выполненія моего желанія въ моемъ распоряженіи были только лѣвая рука и за-

тылокъ; съ такими средствами далеко, конечно, не уйдешь,—развѣ нѣсколько шаговъ въ часъ,—до мѣста же за поворотомъ шоссе, гдѣ я могъ разсчитывать, что меня подберутъ санитары, было шаговъ 80. Какъ бы то ни было, у меня все же жила надежда, хотя и не скоро, но добраться до своихъ и избавиться отъ плѣна.

Продвинувшись на небольшое разстояніе, я пріостановился отдохнуть. Какъ разъ въ это время замолкла перестрѣлка, и кругомъ воцарилась тишина. Утомленный непривычнымъ движеніемъ я лежалъ неподвижно.

Вдругъ тишина рѣзко нарушилась одиночными выстрѣлами; пули съ тонкимъ жалобнымъ свистомъ и щелканіемъ впивались около меня въ землю, осыпая всего меня мелкими осколками; а вслѣдъ затѣмъ я почувствовалъ неожиданный сильный ударъ въ бокъ.

Взглянувъ по направленію къ рощѣ, я увидѣлъ на опушкѣ ея нѣсколькихъ нѣмцевъ, которые, пользуясь затишьемъ боя, не торопясь, производили съ упора рѣдкую стрѣльбу по мнѣ, вѣроятно, за неимѣніемъ другой, болѣе интересной мишени...

Это было мое первое знакомство съ нѣмецкой культурой.

Къ счастью, я лежалъ ногами къ нѣмцамъ, на мѣстности понижающейся отъ нихъ, и благодаря этому представлялъ изъ себя слишкомъ маленькую цѣль, но отползать безнаказанно, уже больше не могъ такъ какъ мое стремленіе уйти должно было естественно усилить желаніе нѣмцевъ попасть въ меня. Пришлось поэтому примѣняться къ обстоятельствамъ. Когда разгоралась перестрѣлка, и вниманіе нѣмцевъ устремлялось на нашихъ стрѣлковъ, я отползалъ, когда же она прерывалась, я лежалъ неподвижно, какъ мертвый, а нѣмцы развлекались стрѣльбой по мнѣ. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ имъ все-таки удалось попасть въ меня нѣсколько разъ.

Послѣ полудня нашимъ пришлось отступить, а вмѣстѣ съ ними ушла окончательно и моя надежда на избавленіе. Нѣмцы продвинулись впередъ, и я остался у нихъ въ тылу. Тотчасъ же появились нѣмецкіе санитары и рабочіе; рабочіе тщательно подобрали валявшіяся оружіе и снаряженіе, а санитары нѣмецкихъ раненыхъ, меня же не трогалъ никто. Тогда, собравъ послѣднія силы, я кое-какъ выползъ на шоссе, надѣясь, что тамъ меня подберутъ скорѣе.

Шоссе оказалось очень оживленнымъ: проходило много людей, и военныхъ, и штатскихъ, проносились автомобили съ офицерами, громыхали телѣги. Многіе изъ проходившихъ останавливались около меня, плевали и, сжимая кулаки, скрипя зубами, шипѣли: „у! ррусcише швейне!" или: „Берлинъ хоочешь?" Одинъ благородный воинъ поднялъ валявшійся покрытый кровью и грязью каравай чернаго хлѣба, и, злобно приговаривая что-то, ткнулъ имъ меня нѣсколько разъ въ лицо; изъ разбитыхъ губъ потекла кровь. Съ омерзѣніемъ и ужасомъ посмотрѣлъ я на это дикое животное, старавшееся такъ наглядно проявить истинную нѣмецкую культуру и рыцарское благородство воина доблестной германской арміи.

Не мало нашлось и болѣе практичныхъ рыцарей, которые, выражаясь по-просту, ограбили деньги, часы, портсигаръ, поясъ, погоны и всѣ карманныя вещи, не говоря уже про оружіе и снаряженіе, составлявшія ихъ „законную" военную добычу. Реквизиція эта производилась не мимоходомъ, не то, чтобы бросилась какая-либо вещь въ глаза, и взялъ ее, а съ особенной нѣмецкой тщательностью, такъ что вся одежда была изорвана на мнѣ при поискахъ зашитыхъ денегъ и вещей. На бѣду, мой скромный запасъ вещей очень скоро изчезъ, почему запоздавшіе грабители усиливали свое усердіе въ безцеремонныхъ обыскахъ, причиняя

мнѣ страшную боль, и, не найдя ничего, разражались ожесточенной руганью и угрозами, а одинъ изъ нихъ хватилъ меня прикладомъ въ бокъ; я охнулъ отъ боли, но не удивился, ибо уже познaлъ нѣмецкую душу и былъ готовъ ко всему. Двѣ вещи, на которыя особенно падки нѣмцы, не были ограблены: золотое кольцо и сапоги. При попыткахъ нѣмцевъ снять ихъ, съ раздробленныхъ и сильно распухшихъ конечностей, невыносимая физическая боль заставляла меня яростно нарушать общественную тишину, что и было причиной оставленія этихъ вещей на мнѣ, хотя сапоги въ концѣ-концовъ не избѣжали своей участи, и черезъ нѣсколько дней, когда я лежалъ въ лазаретѣ, они въ числѣ другихъ вещей перешли въ собственность рыжаго лазаретнаго служителя, успѣшно совершившаго ночную развѣдку среди раненыхъ плѣнныхъ.

Такъ я пролежалъ на шоссе два дня безъ перевязки и пищи; отъ утомленія и потери крови я ослабѣлъ настолько, что не могъ уже двинуться съ мѣста и по временамъ впадалъ въ забытье. Прежнее страстное желаніе спастись отъ плѣна смѣнилось тупымъ равнодушіемъ, энергія упала совершенно, и, отдавшись покорно судьбѣ, я уже не пытался предпринять что-нибудь для улучшенія своего положенія.

II.

Наконецъ, проѣзжавшіе въ лазаретной фурѣ нѣмецкіе санитары-добровольцы подобрали меня и отвезли въ г. Гольдапъ, гдѣ сдали въ лазаретъ, устроенный въ зданіи женской гимназіи. Большой гимнастическій залъ, куда меня помѣстили, былъ наполненъ русскими ранеными, валявшимися на полу на соломѣ, и только немногіе изъ нихъ, пошатываясь, бродили какъ очумѣлые. Въ залѣ не было ни врачей, ни сестеръ милосердія; никто не дѣлалъ перевязокъ, не осматривалъ, не инте-

ресовался нами; не было слышно даже стоновъ; всѣ были въ какомъ-то недоумѣніи, чего-то ожидая, и этотъ странный покой нарушался только когда приносили новаго раненаго или выносили умершаго.

Я впалъ въ забытье и очнулся на столѣ въ перевязочной. Нѣмецкій врачъ наскоро сдѣлалъ первоначальную перевязку, и меня на носилкахъ отнесли въ комнату, гдѣ на кроватяхъ уже лежали три нашихъ офицера. Какое блаженство испытывалъ я, когда послѣ всего перенесеннаго очутился въ комнатѣ на кровати въ компаніи симпатичныхъ товарищей по несчастью. Одинъ изъ нихъ былъ подполковникъ Т—ій, раненый въ правую руку съ раздробленіемъ кости, другой прапорщикъ С—въ, съ простреленной лѣвой рукой и третій тоже прапорщикъ К—е, раненый въ голову. На другой день привезли еще штабсъ-капитана нашего полка В—го, раненаго въ обѣ ноги и артиллерійскаго поручика К—скаго со шрапнельной пулей въ животѣ.

Познакомившись другъ съ другомъ ближе, мы обсудили наше положеніе и единодушно рѣшили изыскать способъ оповѣстить нашихъ родныхъ о нашемъ несчастіи, а остальное предоставить естественному теченію. Обстоятельства сложились такъ, что выполнить наше намѣреніе было не трудно. Вмѣстѣ съ нами въ лазаретѣ появился плѣнный санитаръ-еврей, хорошо говорившій по-нѣмецки и моментально познакомившійся съ администраціей лазарета; въ первый же день еврей производилъ впечатлѣніе, что онъ тутъ свой человѣкъ. Мы ухватились за юркость этого санитара и направили его на развѣдку, за что онъ взялся съ охотой, тѣмъ болѣе, что ему самому тоже нужно было послать письмо. На слѣдующее утро санитаръ сообщилъ, что докторъ постарается отослать наши письма, но чтобы они были написаны по-нѣмецки.

Прапорщикъ С—въ, достаточно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, составилъ ихъ, и, въ довершеніе всего, судьба послала намъ пастора, пришедшаго въ лазаретъ дать болящимъ духовное утѣшеніе и случайно имѣвшаго съ собой почтовыя карточки; лютеранъ между нами не было, и мы воспользовались только карточками. Спасибо и врачу, и пастору: мое первое письмо изъ плѣна достигло своего назначенія.

Комната, въ которой мы помѣщались, была небольшая, но свѣтлая и чистая. До войны она, вѣроятно, служила классной, на что указывало присутствіе учительской кафедры и небольшого библіотечнаго шкафа съ дѣтскими книгами. Все приспособленіе ея подъ лазаретную палату заключалось только въ томъ, что было поставлено пять кроватей и два столика. Выходъ изъ этой комнаты намъ былъ категорически воспрещенъ, чтобы мы не имѣли общенія съ плѣнными нижними чинами. Отъ санитара-еврея, ставшаго въ лазаретѣ переводчикомъ и довольно часто посѣщавшаго нашу комнату, мы узнали, что въ лазаретѣ находится масса раненыхъ русскихъ и что для ухода за ними оставлено нѣсколько здоровыхъ плѣнныхъ солдатъ. Двое изъ нихъ какъ-то пробрались въ нашу комнату. Оборванные, растрепанные, безъ поясовъ, съ изможденными лицами, они, войдя въ комнату, сразу устремили голодные, горящіе глаза, на куски чернаго хлѣба, лежавшіе на столикахъ, и вмѣсто привѣтствія, торопливо, какъ бы сговорившись, произнесли молящимъ голосомъ: „Ваше благородіе, пожалуйте хоть кусочекъ хлѣба“. Безъ словъ мы поняли ихъ положеніе и поспѣшили отдать имъ куски, которые они съ волчьей жадностью принялись ѣсть и прятать въ карманы. Тяжело было въ этихъ голодныхъ оборванцахъ узнать русскаго солдата, нѣсколько дней тому назадъ сытаго и одѣтаго во все новенькое.

Мы было приступили съ разспросами о подробностяхъ ихъ жизни, но въ эту минуту вошелъ штабъ-арцтъ (старшій врачъ). Окинувъ быстрымъ взглядомъ комнату, онъ съ криками набросился на солдатъ и выгналъ ихъ вонъ; на нашу долю также выпало не мало рѣзкихъ фразъ съ выговоромъ за происшедшее и съ предупрежденіемъ о недопустимости въ будущемъ такого преступленія, какъ общеніе плѣнныхъ офицеровъ съ нижними чинами.

Старанія нѣмцевъ изолировать совершенно офицеровъ отъ нижнихъ чиновъ я наблюдалъ въ теченіе всего времени пребыванія въ плѣну. Въ двухъ случаяхъ эти старанія не достигали цѣли: когда по недостатку мѣста въ лазаретахъ раненые офицеры помѣщались вмѣстѣ съ нижними чинами и когда въ офицерскіе лагери назначали изъ солдатскихъ рабочія команды и денщиковъ. Въ этихъ случаяхъ намъ приходилось слышать массу разсказовъ о безконечныхъ ужасахъ въ солдатскихъ лагеряхъ, и во всѣхъ разсказахъ красной нитью проходили голодъ, побои и жестокія наказанія.

Штабъ-арцтъ,—главное лицо въ нашемъ лазаретѣ, съ физіономіей свирѣпаго бульдога и рѣзкимъ голосомъ, исполнялъ свои обязанности по завѣдыванію лазаретомъ весьма энергично: по нѣсколько разъ на день забѣгалъ въ комнату и всегда находилъ предлогъ на кого-нибудь крикнуть. Лазаретъ нашъ находился недалеко отъ позицій и довольно часто посѣщался генералами, почему главной слабостью штабъ-арцта была внѣшняя показная чистота и особенно равненіе кроватей, что, конечно, должно было пріятно поражать взоры отцовъ прусскаго строя, и старанія штабъ-артца не пропали даромъ: вскорѣ его грудь украсилась желѣзнымъ крестомъ.

Лѣченіемъ раненыхъ штабъ-артцъ не интересовался

вовсе, а по отношенію къ пищѣ проявлялъ своеобразную заботливость: когда ожидался пріѣздъ начальства, онъ слѣдилъ, чтобы наша дневная порція темно-бураго хлѣба, пригоднаго болѣе для мощенія улицъ, чѣмъ для ѣды, не лежала на столикахъ, а была бы спрятана. Кстати, такого твердаго хлѣба я не встрѣчалъ больше нигдѣ, даже въ другихъ городахъ Германіи.

Лѣчилъ насъ младшій врачъ лазарета, пожилой нѣмецъ съ медленными движеніями и симпатичнымъ лицомъ, въ противоположность штабъ-артцу, почти ни съ кѣмъ не говорившій и интересовавшійся только медициной; къ своему дѣлу онъ относился добросовѣстно, и на его перевязкахъ было бы совсѣмъ хорошо, если бы не его помощница, старуха сестра милосердія. Эта мегера, помогая врачу перевязывать, всегда ухитрялась причинить умышленно боль; то палецъ запуститъ въ рану, то ткнетъ ножницами въ бокъ, то неожиданно повернетъ раненую руку или ногу такъ, что отъ боли въ глазахъ потемнѣетъ, и дѣлала это она съ какимъ-то особеннымъ сладострастіемъ. Когда однажды я сталъ протестовать противъ такого лѣченія, она рѣзко отвѣтила: „русскій долженъ побольше потерпѣть за восточную Пруссію".

Недѣлю спустя послѣ нашего плѣненія, четверо товарищей неожиданно были переведены въ другой городъ, въ какой именно, я и до сихъ поръ не знаю; въ гольдапскомъ лазаретѣ остались только я и поручикъ К—скій, какъ наиболѣе тяжело раненые и не могущіе перенести перевозки. Всѣмъ отправляемымъ сдѣлали на дорогу перевязку, и сестра милосердія на прощаніе такъ постаралась, что до самаго отъѣзда они только и могли говорить, что объ ея искусствѣ, радуясь своему избавленію и искренно сожалѣя, что остающимся придется много вытерпѣть отъ мстительной нѣмецкой патріотки. Послѣднимъ ихъ прощальнымъ словомъ было

пожеланіе скорѣе избавиться отъ ласковыхъ заботъ нѣжныхъ женскихъ рукъ.

III.

Послѣ отъѣзда нашихъ товарищей штабъ-артцъ нашелъ слишкомъ роскошнымъ помѣщать двухъ русскихъ офицеровъ въ отдѣльной комнатѣ, когда она могла пригодиться для прибывающихъ большими массами раненыхъ нѣмцевъ и перевелъ насъ въ палату нижнихъ чиновъ, устроенную въ актовомъ залѣ. Въ этомъ залѣ помѣщалось болѣе сотни тяжело раненыхъ, лежащихъ вплотную, рядами, на разостланной на полу соломѣ; легко раненые были эвакуированы во внутренніе города Германіи. Меня и поручика К—скаго помѣстили въ углу на кроватяхъ.

Лѣченіе раненыхъ въ этой палатѣ было возложено на плѣннаго русскаго врача И—ка, и такимъ образомъ, исполнилось прощальное пожеланіе нашихъ товарищей. Правда, и у русскаго врача оказалась помощница сестра милосердія, и тоже старая нѣмка, но она была по отношенію къ раненымъ на самомъ дѣлѣ сестрой милосердія, и жаловаться на нее никто не могъ.

Съ переходомъ въ новую палату поручикъ К—скій совсѣмъ ослабѣлъ, перестала разговаривать и все время лежалъ съ закрытыми глазами, изрѣдка произнося въ бреду безсвязныя фразы. На четвертый день онъ тихо окончилъ свое земное существованіе, и тѣло этого скромнаго страдальца-героя, не омытое и не одѣтое, безъ всякихъ почестей и обрядовъ было вынесено въ сарай, гдѣ нѣсколько дней провалялось и затѣмъ безслѣдно скрылось въ братской могилѣ такихъ же скромныхъ героевъ.

Говоря о смерти К—скаго, не могу не вспомнить нѣмца,—лазаретнаго служителя Тидемана. Когда К—скій еще не терялъ сознанія и надѣялся на выздоровленіе,

онъ заботился, чтобы уберечь свои отличные, совсѣмъ новые, походные сапоги, единственная вещь, оставшаяся послѣ перваго знакомства его съ нѣмецкими рыцарями. Сапоги эти, стоявшіе около кровати К—скаго на видномъ мѣстѣ, приглянулись Тидеману, и онъ сталъ по нѣсколько разъ на день приходить къ намъ, бралъ сапоги въ руки, долго и любовно разсматривалъ ихъ, щелкалъ по подошвамъ, заглядывалъ во внутрь и заботливо обтиралъ рукавомъ. По всему было видно, что онъ легко не разстанется съ пріятной мыслью стать счастливымъ обладателемъ этихъ прекрасныхъ русскихъ сапогъ, а тутъ какъ разъ появился соперникъ въ лицѣ другого лазаретнаго служителя, который также возымѣлъ желаніе завладѣть ими. Долго и настойчиво оба соперника доказывали другъ другу преимущество своихъ правъ на сапоги, и ни одинъ изъ нихъ не соглашался съ доводами другого, пока Тидеманъ ни прибѣгъ къ довольно убѣдительному доказательству. Приведя однажды своего соперника, онъ безъ всякихъ церемоній обратился къ намъ съ просьбой подтвердить, что именно онъ, Тидеманъ, первый высказалъ намѣреніе взять сапоги послѣ смерти К—скаго. Не знаю какъ ими было понято наше негодованіе, но рѣшительный способъ дѣйствій Тидемана повидимому повліялъ на его конкурента, и тотъ уступилъ. Такимъ образомъ, восторжествовала нѣмецкая справедливость, ибо дѣйствительно Тидеманъ первый увидѣлъ чужіе сапоги.

Само собою разумѣется, событіе это сильно повліяло на К—скаго и отравило послѣдніе дни его жизни; онъ сталъ часто говорить о смерти и вскорѣ впалъ въ безсознательное состояніе.

Наканунѣ его смерти въ лазаретъ прибыли два штабсъ-капитана, и черезъ два дня штабъ-ротмистръ и прапорщикъ—всѣ четверо тяжело раненые. Въ этой компаніи я пробылъ въ гольдапскомъ лазаретѣ еще мѣсяцъ и въ этой же компаніи уѣхалъ изъ него.

IV.

Обстановка и содержаніе раненыхъ въ лазаретѣ были убійственны. Какъ я уже упоминалъ, нижніе чины валялись на разостланной на полу соломѣ, и только офицерамъ были предоставлены кровати. Столиковъ, стульевъ, плевательницъ и другихъ предметовъ, крайне необходимыхъ для тяжело больныхъ, не было совершенно. Посуда, безъ которой нельзя обойтись, имѣлась въ количествѣ двухъ экземпляровъ на сотню слишкомъ не встававшихъ съ постели людей. Столовый сервизъ состоялъ изъ нѣсколькихъ разнокалиберныхъ тарелокъ, глиняныхъ чашекъ и столовыхъ ложекъ, большей частью деревянныхъ, русскаго происхожденія, которыхъ нѣмцы не любятъ и потому не отбираютъ. Для питья „кофе" къ нашимъ услугамъ было небольшое количество кружекъ самыхъ разнообразныхъ формъ и размѣровъ. Про салфетки мы даже ничего не слышали. Ножей и вилокъ не полагалось, такъ какъ, по объясненію нѣмцевъ, плѣнные должны быть безоружными.

Такой сервировкѣ вполнѣ соотвѣтствовало и наше ежедневное меню. Утромъ приносили въ ведрѣ такъ называемый кофе, безъ молока и сахара, представлявшій собою темную жидкость, похожую на навозную жижу, съ отвратительнымъ привкусомъ и запахомъ помоевъ. Не смотря на мученія голода, немногіе счастливцы могли побѣдить свое отвращеніе къ качествамъ этого заграничнаго напитка...

Часовъ съ 12-ти до 2-хъ въ томъ же ведрѣ подавали обѣдъ, состоявшій изъ гороховаго или брюквеннаго супа безъ мяса; про вкусовыя достоинства суповъ не могу сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ ѣда шла всегда на быстроту, чтобы скорѣе заглушить мучительныя требованія голоднаго желудка, почему и не было возможности разбираться въ нихъ. Давали супъ

въ очень ограниченномъ количествѣ, и его никогда не хватало. Сколько непріятностей возникало на этой почвѣ между солдатами, оставленными для ухода за ранеными (буду называть ихъ санитарами), на обязанности которыхъ лежала раздача пищи, и самими ранеными. Каждому изъ послѣднихъ подъ вліяніемъ мученій голода казалось, что раздатчики обижаютъ его и даютъ меньше, чѣмъ другимъ. Мольбы, проклятія, упреки и угрозы, смѣшиваясь съ раздирающими душу стонами, обильнымъ потокомъ лились на безпомощныхъ санитаровъ. Много незаслуженныхъ нравственныхъ пытокъ пришлось перенести этимъ несчастнымъ, служившимъ своему ближнему съ героическимъ самоотверженіемъ.

Часа въ 4, хотя не каждый день, давали кофе, и вечеромъ на ужинъ—опять тотъ же кофе. Благодаря качеству кофе, раздача его не вызывала никакихъ инцидентовъ, и какъ бы мало не приносили, его не только хватало, но всегда еще оставалось.

Хлѣбъ выдавали отдѣльно—небольшой кусокъ на цѣлыя сутки, и его также совершенно не хватало для нормальнаго питанія.

Сверхъ сквернаго качества и недостаточнаго количества пищи, не малыя мученія доставлялъ и самый процессъ ѣды. Вслѣдствіе недостатка посуды, ѣсть приходилось по-очереди, такъ что меньшая часть ѣла, а большая жадно смотрѣла, отчего, какъ у съѣвшихъ свою порцію, такъ и у ожидавшихъ очереди, голодная пытка становилась еще мучительнѣе.

Кромѣ этой ординарной пищи существовала еще и экстра. По утрамъ нашъ санитаръ изъ вольноопредѣляющихся приносилъ молоко, которое онъ буквально вымогалъ у лазаретнаго инспектора. Молоко это, количествомъ не болѣе четырехъ стакановъ въ день, раздавалось по нѣсколько ложекъ наиболѣе слабымъ. Другая

экстра—хлѣбная, состояла въ томъ, что санитары собирали въ корридорахъ и мусорныхъ ящикахъ объѣдки, выметенные изъ нѣмецкихъ палатъ!..

То было въ давнія, счастливыя времена, а теперь, когда нѣмецкое правительство учредило особенно строгій надзоръ за экономнымъ расходованіемъ пищевыхъ продуктовъ, такая экстра стала немыслимой.

Закончу описаніе пищи мнѣніемъ, высказаннымъ нашимъ врачемъ, что большая смертность въ лазаретѣ уменьшилась бы по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ процентовъ, если бы хотя немного улучшить пищу.

Бани или какихъ-нибудь ваннъ не было и въ поминѣ, и всѣ какъ прибыли съ позицій грязными, такъ и оставались въ такомъ видѣ до самаго отъѣзда изъ лазарета. Была только возможность умыться холодной водой, да и то очень рѣдко съ мыломъ. Полотенца были даны изъ очень грубаго сѣраго полотна; такія полотенца мнѣ случалось видѣть въ Россіи на кухняхъ, гдѣ ими вытираютъ кухонную посуду. Смѣны бѣлья не существовало, и только особенно загнившія и зловонныя рубахи были замѣнены у нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ и у меня, причемъ на мою долю досталась рубаха, перешитая на моихъ глазахъ сестрой милосердія изъ старой, заплатанной женской сорочки. Но передъ отъѣздомъ намъ, хотя не могу утверждать, что всѣмъ, были выданы новыя рубахи изъ грубой бязи, и штабъ-арцтъ торжественно объявилъ, что эти рубахи пожертвовала въ лазаретъ германская кайзерина. Носовыхъ платковъ также не было совсѣмъ и ихъ замѣняли куски марли, добываемыя вольноопредѣляющимся.

Для полноты картины нашей лазаретной обстановки слѣдуетъ добавить полное отсутствіе хирургическихъ инструментовъ и большой недостатокъ медикаментовъ и перевязочныхъ матеріаловъ, и нашъ врачъ часто

говорилъ: „я васъ лѣчу не такъ, какъ слѣдуетъ, потому что не имѣю для этого самыхъ необходимыхъ средствъ".

Кромѣ врача И—ка и нѣмецкой сестры милосердія въ составъ персонала, обслуживавшаго нашу палату, входили еще плѣнные: вольноопредѣляющійся Л—ъ и рядовые Грабцевичъ и Кіенокъ; послѣдній былъ легко раненъ и въ то время почти выздоровѣлъ. Этимъ санитарамъ въ легкой работѣ немного помогали трое раненыхъ, которые кое-какъ могли вставать съ постели.

Л—ъ въ совершенствѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, до войны готовился въ фармацевты и работалъ въ качествѣ любителя-практиканта въ клиникѣ своего брата врача, почему былъ хорошо знакомъ съ медициной. Для насъ онъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ. Предпріимчивый, энергичный, неутомимый въ работѣ, онъ не имѣлъ ни минуты отдыха, и всѣ свои силы и способности отдавалъ съ большою любовью скромному, но великому дѣлу служенія страждущимъ. Онъ исполнялъ обязанности фельдшера и сидѣлки, былъ переводчикомъ, замѣнялъ врача, являлся въ роли простого служителя и никогда не брезгалъ самой грязной работой.

Грабцевичъ и Кіенокъ простые, малограмотные, но смышленные солдаты, съ богатой духовной натурой русскаго человѣка, тоже не знали, что такое отдыхъ и работали до изнеможенія, свято исполняя многочисленныя и тяжелыя обязанности, выпавшія на ихъ долю. Имъ приходилось особенно трудно, такъ какъ нѣмцы, не считаясь ни съ чѣмъ, безпрестанно привлекали ихъ къ работамъ по уборкѣ корридоровъ и двора и по переноскѣ нѣмецкихъ раненыхъ, прибывавшихъ въ лазаретъ и убывавшимъ изъ него. Раненыхъ было очень много; ихъ привозили съ позицій въ автомобиляхъ и повозкахъ, перевязывали, кормили и сейчасъ же съ поѣздами отправляли во внутрь Германіи. Переноска

ихъ въ лазаретъ и изъ лазарета создавала утомительную работу, въ которой наши санитары были вынуждены принимать дѣятельное участіе.

Въ лазаретѣ обрѣтались, конечно, и нѣмецкіе солдаты и унтеръ-офицеры, но это было для насъ „начальство“; они только наблюдали, кричали и угощали переутомившихся санитаровъ подзатыльниками, принуждая ихъ такими культурными пріемами исполнять работу, которую должны были дѣлать сами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней приходили три молодыя сестры милосердія, видно, только что поступившія на эту должность и желавшія на практикѣ ознакомиться со своими обязанностями; утромъ онѣ помогали раненымъ умываться и иногда присутствовали при перевязкахъ, а большую часть времени флиртовали съ молодымъ нѣмецкимъ врачемъ, который тоже только наблюдалъ, а самъ абсолютно ничего не дѣлалъ.

V.

Несмотря на неимовѣрные труды нашего врача и санитаровъ, лазаретъ походилъ на смрадную клоаку. Ни неба, ни солнца не было видно изъ палаты, такъ какъ всѣ стекла въ окнахъ были матовыя; дневной свѣтъ, проникая черезъ эти стекла, тускло освѣщалъ груды грязныхъ, лохматыхъ людей, корчившихся въ самыхъ неестественныхъ позахъ. Еще мрачнѣе картина становилась вечеромъ, когда большой залъ, или вѣрнѣе, только часть его освѣщалась маленькой лампочкой. Воздухъ, густо насыщенный нестерпимымъ зловоніемъ отъ гніющихъ ранъ и испражненій, вызывалъ тошноту и головокруженіе. Отъ грязи и несвоевременныхъ перевязокъ у многихъ заводились въ ранахъ черви, наводя на насъ отвратительный страхъ. Нѣсколько человѣкъ лишились разсудка и не были переведены въ отдѣльное помѣщеніе; помѣшательство ихъ,

проявляемое въ безпокойной формѣ, окончательно подрывало изматавшіеся до крайней степени нервы. Къ довершенію всѣхъ ужасовъ, въ палатѣ устроили перевязочную, втиснувши въ единственное свободное мѣстечко у простѣнка между дверями два стола: одинъ съ медикаментами и перевязочными матеріалами, другой для перевязокъ; въ эту „перевязочную“ приносили раненыхъ и изъ другихъ палатъ.

Съ утра и до поздней ночи работалъ врачъ, но всѣхъ перевязывать далеко не успѣвалъ, такъ какъ перевязки были всѣ сложныя, и раненыхъ набралось очень много. Оставшіеся неперевязанными приставали къ врачу, то умоляя, то ругая его. Санитары также не успѣвали подавать и убирать посуду; съ ними обращались, конечно, рѣзче и безцеремоннѣе. Сумасшедшіе то и дѣло разползались по комнатѣ, и санитары должны были водворять ихъ на мѣста. Стоны, ругатня, молитвы, проклятія, бредъ, скрежетъ сливались въ неумолкаемый адскій гамъ, и нечего было думать забыться сномъ и отдохнуть хоть на короткое время.

Кошмаръ этотъ душилъ насъ около недѣли; за это время новые раненые не переставали прибывать и такъ какъ помѣщать ихъ уже некуда было, то открыли новую палату въ сосѣдней комнатѣ, бывшей классомъ пѣнія. Въ этой комнатѣ помѣстили человѣкъ 15 и туда перевели офицеровъ.

Хотя отъ прежняго ада мы ушли недалеко, но въ новой палатѣ онъ дѣйствовалъ на насъ менѣе рѣзко, да и сама комната выглядѣла лучше; больные лежали всѣ на кроватяхъ, стекла были прозрачныя, и можно было увидѣть, хотя и съ третьяго этажа, что дѣлается на улицѣ, а главное,—мы избавились отъ перевязочной со всѣми ея ужасами. Въ новой палатѣ нѣмцы даже проявили заботу къ улучшенію гигіеническихъ усло-

вій: боясь распространенія насѣкомыхъ, они густо намазали намъ головы какой-то липкой мазью, отъ слѣдовъ которой я не могъ избавиться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Само-собой разумѣется, что въ данномъ случаѣ они заботились больше о себѣ, чѣмъ о насъ, и заботы ихъ дальше мази не пошли.

Мы стали привыкать къ создавшейся обстановкѣ и, конечно, прежде всего, начали интересоваться тѣмъ, что происходило далеко за стѣнами лазарета, на театрѣ военныхъ дѣйствій. Свѣдѣнія о военныхъ и политическихъ событіяхъ можно было почерпнуть изъ нѣмецкихъ газетъ, попадавшихъ иногда въ нашу палату и которыя могли читать Л—ъ и врачъ. Но Л—ъ былъ занятъ настолько, что не могъ удѣлить на чтеніе ни секунды, а врачъ категорически отказался отъ нихъ. Сначала онъ пытался нѣсколько разъ прочитать новости, но каждый разъ бросалъ съ остервенѣніемъ газету, нервничалъ и говорилъ, что онъ прямо заболѣваетъ отъ той лжи, которую пишутъ нѣмцы. Другимъ источникомъ свѣдѣній служили разсказы нѣмцевъ; разсказы эти были такъ фантастичны, что они скорѣе забавляли насъ, чѣмъ огорчали, и мы не придавали имъ никакого значенія.

Между тѣмъ, событія вблизи Гольдапа назрѣвали. До насъ началъ доноситься гулъ отдаленной артиллерійской стрѣльбы; число раненыхъ, проходящихъ черезъ лазаретъ, увеличивалось; шумъ отъ передвигавшихся въ городѣ войскъ и обозовъ становился оживленнѣе, и нѣмцы стали безпокойнѣе и нервнѣе. Однажды утромъ канонада послышалась явственнѣе, и санитары увидѣли въ окно, что жители со своимъ имуществомъ спѣшно покидаютъ городъ. Мы не могли встать съ постели, чтобы посмотрѣть, что происходитъ въ городѣ и жадно слушали санитаровъ, которые стояли у окна и передавали намъ о всѣхъ подробностяхъ нѣмецкаго

переполоха. Судя по доносившемуся шуму и быстрымъ оживленнымъ фразамъ санитаровъ, суматоха въ городѣ, была страшная. По всему было видно, что русскіе подступаютъ къ Гольдапу, и у насъ явилась надежда на спасеніе. Всѣ наши мысли съ этого момента сосредоточились на близости избавленія; съ жадностью мы ловили малѣйшій звукъ, каждый вздорный слухъ, приносимый санитарами и дѣлали изъ нихъ тысячи всевозможныхъ выводовъ и предположеній. Врачъ потерялъ сонъ и все свободное время стоялъ у окна; у него явилась непоколебимая увѣренность что насъ освободятъ, и онъ мечталъ вслухъ о томъ, какъ въ городъ ворвутся казаки, проскачутъ по улицамъ и появятся въ нашемъ лазаретѣ. Подъ гипнозомъ этихъ сладостныхъ мечтаній, когда доносился какой-нибудь рѣзкій шумъ или быстрый стукъ копытъ, намъ казалось, что казаки уже въ городѣ...

Черезъ нѣсколько дней санитары сообщили, что лазаретное походное имущество уложено въ повозки. Врачъ и Л—ъ провѣрили и подтвердили, что дѣйствительно лазаретный обозъ готовъ къ походу, и необходимые медикаменты и другіе предметы берутся уже изъ повозокъ.

Все подтверждало, что нѣмцы начинаютъ отступленіе отъ Гольдапа: лазаретный фельдфебель и сестры милосердія исчезли, число нѣмецкихъ лазаретныхъ служителей, посѣщавшихъ нашу палату, значительно сократилось, и однажды нашъ врачъ сообщилъ намъ, что штабъ-артцъ объявилъ ему, что вслѣдствіе подхода русскихъ войскъ жителямъ приказано покинуть городъ и при отступленіи раненыхъ русскихъ не брать съ собой, а оставить въ зданіи лазарета. На вопросъ, какъ же быть съ довольствіемъ раненыхъ, штабъ-артцъ отвѣтилъ: „это ваше дѣло, добывайте пищу, какъ хотите“. Заявленіе врача о пищѣ насъ не огорчило:

лучше не поѣсть нѣсколько дней, зато попасть на родину.

Наканунѣ офицерамъ выдали жалованье за мѣсяцъ; мнѣ 33 марки 33 пфенига, а остальнымъ по 20 марокъ и объявили, что плѣннымъ полагается въ мѣсяцъ: капитанамъ и выше по 100 марокъ, а младшимъ офицерамъ по 60; изъ этого жалованья, независимо отъ его размѣра, за содержаніе въ лазаретѣ удерживаютъ двѣ трети. Такимъ образомъ, за одно и то же содержаніе разные чины платятъ разную сумму: мнѣ пришлось заплатить 67 марокъ, тогда какъ младшіе офицеры заплатили по 40. Такой расчетъ соблюдался и въ другихъ лазаретахъ. Получивши деньги, мы не могли ихъ использовать для улучшенія нашей пищи, такъ какъ купить что-нибудь въ городѣ было абсолютно невозможно.

Въ то время, когда наша надежда на освобожденіе, казалось, стала осуществляться, среди нижнихъ чиновъ возникли упорные слухи, что нѣмцы рѣшили передъ своимъ уходомъ прикончить насъ всѣхъ, и приводились въ доказательство подслушанные нѣмецкіе разговоры и разные намеки. Мы не особенно вѣрили этимъ слухамъ, но серьезное безпокойство вызвало у насъ сообщеніе, что флагъ краснаго креста съ нашего лазарета снятъ, почему при обстрѣливаніи города насъ могла уничтожить наша же артиллерія; помѣщались мы какъ разъ въ самомъ верхнемъ этажѣ. Отыскивая выходъ изъ такого положенія, мы придумали вывѣсить при отходѣ нѣмцевъ бѣлое одѣяло, нашивши на него крестъ изъ красной каймы тѣхъ же одѣялъ, и кромѣ того ползкомъ и при помощи санитаръ перебраться въ подвальный этажъ, дорогу къ которому санитары подробно изслѣдовали. Л—ъ началъ энергично запасаться перевязочными матеріалами, которые онъ ухитрился таскать подъ разными предлогами у

нѣмцевъ, пользуясь ихъ суматохой; складъ матеріаловъ онъ устроилъ въ оставшемся въ палатѣ рояли.

Такъ мы подготовлялись къ великому для насъ моменту вступленія въ Гольдапъ русскихъ, который по всѣмъ признакамъ долженъ былъ наступить съ минуты на минуту, какъ вдругъ однажды утромъ въ палату вошли штабъ-артцъ и младшій врачъ въ сопровожденіи санитаровъ-добровольцевъ съ носилками, и минутъ черезъ 10 всѣ офицеры катили въ автомобиляхъ на вокзалъ.

Ударъ этотъ былъ для насъ равносиленъ второму плѣну. Черезъ нѣсколько дней, какъ я узналъ впослѣдствіи, русскіе взяли Гольдапъ, и врачъ И—къ съ раненными нижними чинами освободился отъ нѣмецкаго ига.

VI.

По прибытіи на вокзалъ меня и штабсъ-капитана К—ра поставили въ носилкахъ рядомъ на желѣзнодорожной платформѣ и оставили одныхъ — санитары ушли, вѣроятно, разузнать, въ какой вагонъ насъ помѣстить. На пути стоялъ длинный санитарный поѣздъ изъ шикарныхъ вагоновъ, разукрашенныхъ зеленью и цвѣтами, и въ серединѣ его рѣзко выдѣлялся темнымъ пятномъ вагонъ четвертаго класса безъ всякихъ украшеній. Мы рѣшили, что этотъ вагонъ для насъ и, конечно, не ошиблись.

Пока санитары ходили, наши носилки окружила густая толпа мужчинъ и женщинъ, которые ожесточенно осыпали насъ градомъ ругательствъ. Всѣхъ ихъ заграничныхъ словъ я не понималъ, и мнѣ переводилъ К—ръ, порядочно знавшій нѣмецкій разговорный языкъ; чаще всего и съ особенной смачностью повторялось „руссише швейне“—общепринятое въ Германіи названіе русскихъ, которое мнѣ очень часто приходилось

слышать въ продолженіе всего плѣна. Съ этимъ эпитетомъ, характеризующимъ презрительное отношеніе нѣмцевъ къ русскимъ, мнѣ приходилось, впрочемъ, встрѣчаться и въ Россіи еще до войны. Помню, въ одной колбасной на Кавказѣ кто-то изъ покупателей обнаружилъ, что продаваемая ветчина испорчена и заявилъ объ этомъ продавщицѣ-нѣмкѣ; та сказала хозяину. Хозяинъ, откормленный нѣмецъ, громогласно отвѣтилъ ей при всей публикѣ по-нѣмецки: „ничего, отпускайте эту ветчину,—русская свинья все сожретъ!“ Къ счастью, въ числѣ покупателей находился одинъ господинъ, хорошо понимавшій по-нѣмецки, который не замедлилъ сдѣлать наглому колбаснику соотвѣтствующее физическое внушеніе.

Приходъ санитаровъ избавилъ насъ отъ издѣвательства заграничныхъ джентльменовъ и дамъ, и мы были внѣдрены, какъ и предполагали, въ темное пятно поѣзда. Въ вагонѣ насъ расположили въ подвѣшенныхъ носилкахъ; оказалось, что изъ лазарета вывезли всѣхъ офицеровъ и нѣсколькихъ болѣе здоровыхъ нижнихъ чиновъ—сколько можно было помѣстить въ вагонъ.

Въ этомъ вагонѣ мы пробыли два дня, за каковое время можно свободно проѣхать всю Германію. Поѣздъ ѣздилъ въ тылу германскихъ позицій, забирая и развозя раненыхъ; съ нами имъ, понятное дѣло, некогда было возиться, и они таскали насъ съ собой до болѣе благопріятнаго момента, когда можно будетъ удѣлить свободное время и „русскимъ свиньямъ“.

Въ эти два дня намъ давали кофе и обѣдъ, состоявшій изъ небольшой тарелки супа. Во время остановокъ нѣмецкій врачъ сдѣлалъ перевязки нѣсколькимъ раненымъ, у которыхъ особенно сильно промокли повязки, при чемъ русскихъ перевязывали не въ спеціальномъ вагонѣ, какъ это дѣлали съ нѣмецкими ранеными, а въ томъ, въ которомъ ѣхали, укладывая

перевязываемаго прямо на грязный полъ безъ какой-либо подстилки.

На другой день вечеромъ мы пріѣхали въ Кенигсбергъ, гдѣ поѣздъ стоялъ очень долго, выгружая раненыхъ нѣмцевъ. Многочисленная толпа, состоявшая преимущественно изъ женщинъ, со свертками и кульками въ рукахъ сновала вдоль поѣзда и подавала въ окна вагоновъ подарки пострадавшимъ защитникамъ фатерланда. Останавливались и около нашего вагона, но только, чтобы посмотрѣть на плѣнныхъ, а изъ добровольныхъ пожертвованій на нашу долю приходились плевки, „руссише швейне" и другія не менѣе лестныя выраженія, а изъ болѣе существеннаго, въ родѣ папиросъ, шоколада или булокъ, которыя были для насъ больше чѣмъ желательны, не попало ничего. Выручила насъ нѣмецкая наклонность къ коммерціи, благодаря которой, у насъ, черезъ посредство вагонныхъ служителей, завязались съ раненными нѣмцами по ихъ предложенію торговыя сношенія, въ результатѣ которыхъ мы быстро, хотя и за баснословную цѣну, пріобрѣли нужныя для насъ припасы изъ полученныхъ ими подарковъ.

Между прочимъ, въ вагонѣ былъ санитаръ, который потребовалъ отъ меня на чай марку за услуги. Я ему сказалъ, что дамъ при прощаніи, когда пріѣдемъ на мѣсто. Но онъ не удовольствовался обѣщаніемъ и разозлился на меня. У меня были сильныя боли въ желудкѣ, и наканунѣ врачъ прописалъ капли, которыя очень помогли мнѣ. Послѣ разговора о маркѣ я обратился къ санитару съ просьбой принести мнѣ капель, которыя онъ уже приносилъ, и получилъ въ отвѣтъ, что капель въ поѣздной аптекѣ для меня не имѣется; тогда я попросилъ позвать врача.—„Не пойду за врачемъ",—отвѣтилъ онъ и послѣ этого не подходилъ ко мнѣ. Черезъ нѣсколько времени, когда онъ проходилъ

около меня, я попросилъ дать мнѣ воды напиться.— „Пусть подаютъ тебѣ русскіе“,—бросилъ онъ на ходу и даже не пріостановился. И въ Кенигсбергѣ этотъ санитаръ передъ отходомъ поѣзда прямо ссадилъ меня: позвалъ носилки, указалъ на меня, что-то сказалъ, и я очутился на платформѣ, отставши такимъ образомъ, отъ нашей компаніи.

Погода была скверная, шелъ мокрый снѣгъ. Вся моя одежда состояла изъ нижней рубахи и носковъ, которыя успѣлъ надѣть на мои ноги врачъ И—къ при отправленіи изъ лазарета, а прикрытъ я былъ шинелью, доставшейся мнѣ послѣ смерти поручика К—скаго; не было даже фуражки, и снѣгъ сыпалъ на неприкрытую голову. Мнѣ показалось особенно холодно, такъ какъ температура у меня въ то время держалась свыше 39.

Немного спустя я безъ всякаго конвоя и провожатыхъ трясся въ какой-то бричкѣ по улицамъ Кенигсберга. Минутъ черезъ двадцать бричка остановилась у лазарета, устроеннаго въ великолѣпномъ зданіи. Изъ лазарета вышли санитары, подошли ко мнѣ, но, увидѣвъ, что пріѣхалъ русскій, сказали что-то возницѣ, и бричка загромыхала дальше. Черезъ полчаса ѣзды опять остановка передъ лазаретомъ и опять та же исторія, послѣ чего бричка выматывала мою душу по меньшей мѣрѣ еще полтора часа, и, наконецъ, остановилась за городомъ передъ большимъ зданіемъ казарменнаго типа, въ которое меня и внесли на носилкахъ. Зданіе это, какъ я узналъ потомъ, было убѣжищемъ для слѣпыхъ, но во время войны въ немъ устроили лазаретъ. Въ лазаретѣ весьма изумились моему внезапному появленію, такъ какъ никакихъ извѣщеній о моемъ прибытіи, какъ это обыкновенно практикуется въ Германіи при переводахъ плѣнныхъ изъ одного лѣчебнаго заведенія въ другое, здѣсь не получали, я же не имѣлъ

съ собой ни документовъ, ни провожатыхъ. Въ передней, гдѣ меня пока поставили, собралось нѣсколько человѣкъ изъ низшей администраціи лазарета и мой возница; послѣ подробнаго допроса и долгихъ споровъ, въ которыхъ возница горячо сталъ на мою сторону, явно стараясь избавиться отъ такого неожиданнаго пассажира, меня приняли и положили среди нижнихъ чиновъ, въ киркѣ убѣжища, а утромъ послѣ перевязки перевели въ офицерскую палату, устроенную рядомъ въ прихожей, обильно украшенной вѣшалками для платья и клѣтками для галошъ.

Въ этой прихожей, въ которую съ трудомъ можно было втиснуть четыре кровати, находились уже три прапорщика, прибывшіе сюда незадолго до меня. Въ теченіе моего пребыванія въ лазаретѣ одинъ изъ нихъ умеръ, другой по выздоровленіи былъ отправленъ въ лагерь военноплѣнныхъ, а ихъ мѣста заняли два новые прапорщика.

VII.

Кенигсбергскій лазаретъ былъ сравнительно благоустроенный; всѣ лежали на кроватяхъ съ соломенными тюфяками и подушками; кровати были всегда идеально выравнены, и подлѣ каждой стояла табуретка и плевательница; у всѣхъ въ изголовьяхъ висѣли полотенца и дощечки съ обозначеніемъ фамиліи и болѣзни. Однимъ словомъ, внѣшній видъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Посуды столовой и чайной было достаточно, такъ что во время ѣды не приходилось дожидаться очереди, и даже недѣли двѣ спустя послѣ моего прибытія фельдфебель, завѣдывавшій лазаретомъ, будучи однажды пьянымъ свыше нормы, принятой имъ ежедневно, приказалъ подавать офицерамъ ножи и вилки. Пища была также лучше, чѣмъ въ Гольдапѣ: офицерамъ давали завтраки и ужины, состоявшіе изъ

кофе безъ сахара, но съ бутербродами съ колбасой или сыромъ; на обѣдъ подавался знакомый гороховый или картофельный супъ съ маленькимъ кусочкомъ мяса или свиного сала. А важнѣе всего для насъ была возможность пріобрѣтать продукты въ городѣ, давши хорошо на чай лазаретному служителю.

Ознакамливаясь подробно съ порядками и правилами, мы узнали, что въ лазаретѣ установлена отправка почтовой корреспонденціи военноплѣнныхъ на ихъ родину, для чего письма сдаются въ лазаретную канцелярію, куда приходитъ военный цензоръ, и послѣ повѣрки они отправляются по мѣсту назначенія. Всѣ, конечно, поспѣшили воспользоваться услугами этого благодѣтельнаго установленія: написали письма и сдали ихъ, приложивши на пересылку по 15 или по 20 пфениговъ,—точную цифру не помню. Недѣли черезъ двѣ письма намъ возвратили и объявили, что ихъ надо писать карандашемъ, такъ какъ написанныя чернилами бесусловно воспрещено пропускать. Мы не могли придумать, чѣмъ бы можно было объяснить такое распоряженіе, а между тѣмъ оно весьма строго поддерживалось все время, и продажа плѣннымъ чернилъ была категорически воспрещена. Несмотря на своеобразныя особенности нашего почтоваго учрежденія въ отношеніи быстроты и порядковъ, моя семья получила въ концѣ-концовъ одно письмо изъ нѣсколькихъ, посланныхъ изъ Кенигсберга.

Лѣчилъ насъ нѣмецкій врачъ; ему помогали сестры милосердія и фельдшеръ; между прочимъ это былъ единственный нѣмецкій фельдшеръ, котораго мнѣ удалось встрѣтить въ Германіи. Прислуживали намъ русскіе солдаты изъ числа выздоравливающихъ.

Врачъ, по словамъ многихъ, былъ извѣстный хирургъ, пользовавшійся въ Кенигсбергѣ большой популярностью; но, имѣя въ городѣ собственную лѣчебницу

и обширную практику, онъ приходилъ къ намъ часа на $1^1/_2$—2 и въ такое короткое время при значительномъ числѣ больныхъ, конечно, мало удѣлялъ намъ изъ своего опыта и знаній, тѣмъ болѣе, что составъ раненыхъ нижнихъ чиновъ постоянно мѣнялся, и онъ тратилъ много времени на составленіе исторіи болѣзни вновь прибывавшихъ, каковой канцелярщины въ Гольдапѣ не было и въ поминѣ.

Фактически насъ лѣчили малознающіе и неопытные фельдшеръ и сестра милосердія, и счастье мое и двухъ моихъ товарищей, что при дальнѣйшемъ невольномъ путешествіи по Германіи мы попали въ руки русскаго врача Б—ля, который вылѣчилъ насъ отъ послѣдствій пребыванія въ Кенигсбергскомъ лазаретѣ.

Всѣмъ лазаретомъ, весьма обширнымъ, состоявшимъ изъ многихъ палатъ, вмѣщавшихъ массу раненыхъ нѣмцевъ, завѣдывалъ генералъ-артцъ — безпомощный старичекъ, котораго мнѣ удалось видѣть раза три, и то мелькомъ.

Въ штатѣ лазаретной администраціи офицеровъ не было и главнымъ военнымъ начальникомъ являлся призванный изъ запаса фельдфебель, по профессіи кабатчикъ изъ пограничнаго городка, вѣчно пьяный, грубый, невоспитанный, но съ большимъ самомнѣніемъ. Ежедневно заходилъ онъ въ нашу палату въ фуражкѣ и непремѣнно съ сигарой въ зубахъ, придирался къ какому-нибудь пустяку, кричалъ и выговаривалъ въ самой грубой формѣ. Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ старался онъ выразить свое презрѣніе къ намъ и задѣть наше самолюбіе. Для болѣе ясной характеристики этого субъекта приведу слѣдующій случай. Прапорщикъ Д — въ, нуждаясь въ бѣльѣ, поручилъ купить его лазаретному служителю, давъ на покупку двадцать марокъ. Узнавъ объ этомъ, фельдфебель отобралъ у служителя деньги и заявилъ

Д—ву, что бѣлье купитъ онъ самъ. Д—ву оставалось только поблагодарить за любезную услужливость, и онъ началъ объяснять, какое бѣлье ему желательно. „Куплю безъ вашихъ объясненій“,—грубо оборвалъ фельдфебель,—„какое куплю, такое и должно быть для васъ хорошимъ“. Прошло нѣсколько дней, но ни бѣлья, ни денегъ Д—въ не видѣлъ. Попробовалъ было потребовать, но получилъ грубый отвѣтъ, что бѣлье у него будетъ въ свое время, и нечего, молъ, приставать съ неумѣстными требованіями. Въ день нашего отъѣзда изъ лазарета, Д—въ черезъ раненаго русскаго унтеръ-офицера, служившаго въ палатѣ присяжнымъ переводчикомъ, опять потребовалъ отъ фельдфебеля или бѣлье, или деньги. На этотъ разъ фельдфебель сходилъ въ городъ и къ большому огорченію Д—ва принесъ бѣлье; оно оказалось самаго отвратительнаго качества и на громадный ростъ, а Д—въ былъ небольшой. Счетъ за бѣлье фельдфебель предъявилъ въ одиннадцать марокъ, но сдачи у него не было,—видно, всѣ деньги пропилъ, а бѣлье пріобрѣлъ въ кредитъ въ какой-нибудь лавчонкѣ,—и онъ приказалъ переводчику расплатиться съ Д—мъ. Переводчикъ, имѣвшій сотни двѣ марокъ, полученныхъ изъ дому, изъ которыхъ малая толика путемъ какихъ-то комбинацій перешла къ фельдфебелю въ качествѣ досаднаго долга при экстренныхъ расплатахъ въ моменты неимѣнія при себѣ денегъ, отдалъ Д—ву девять марокъ, а тотъ выдалъ подробную расписку, для получки въ будущемъ съ фельдфебеля, что, конечно, подлежитъ большому сомнѣнію.

Билетики на бѣльѣ съ обозначеніемъ цѣны фельдфебель не догадался оторвать, и по нимъ оказалось, что оно стоитъ не одиннадцать, а только восемь марокъ, и такимъ образомъ, нѣмецъ и заемъ себѣ устроилъ и три марки нажилъ.

Впослѣдствіи выяснилось, что мнѣ изъ дому вы-

слали въ Кенигсбергскій лазаретъ посылку, двадцать пять рублей и заказное письмо—одновременно. Письмо я получилъ, когда уже былъ въ другомъ лазаретѣ, а деньги и посылка исчезли—вѣроятно, попали къ фельдфебелю.

Помощникомъ фельдфебеля былъ унтеръ-офицеръ, тоже изъ запаса, высокаго роста и здороваго тѣлосложенія, съ физіономіей, просящей кулака, на которой ярко выдѣлялся торчащій изо рта длинный зубъ, придавая ей плотоядное выраженіе. По своей грубости онъ не уступалъ фельдфебелю и къ тому же былъ, повидимому, садистъ. Надо было видѣть, какъ онъ, проходя по палатѣ и услышавъ страдальческіе стоны тяжело раненаго, которому дѣлали болѣзненную перевязку, останавливался и замиралъ въ восторгѣ; съ какимъ наслажденіемъ упивался онъ стонами и, при особенно рѣзкихъ выкрикахъ, прямо ржалъ отъ удовольствія.

Приходилъ онъ, главнымъ образомъ, въ палату нижнихъ чиновъ наводить по утрамъ порядокъ, имѣя при себѣ кнутъ, который никогда не пребывалъ въ бездѣйствіи. По всему было видно, какое громадное удовольствіе доставляло этому звѣрю стегать ни за что, ни про что раненыхъ, старавшихся въ паническомъ ужасѣ изо всѣхъ силъ исполнять самыя дикія его требованія, въ родѣ постояннаго отдаванія чести ему и фельдфебелю даже тяжело ранеными. Но старанія не приводили ни къ чему, и всегда находился предлогъ пустить въ работу кнутъ.

Въ вѣдѣніи унтеръ-офицера находился цейхгаузъ съ одеждой плѣнныхъ; въ этотъ цейхгаузъ поступала вся одежда и обувь плѣнныхъ, отбираемая сейчасъ же по прибытіи въ лазаретъ, и изъ этого цейхгауза выдавались лохмотья отправляемымъ изъ лазарета. Хорошая одежда и обувь составляли доходную статью завѣды-

вающаго цейхгаузомъ, тѣмъ болѣе, что смертность была большая и изъ лазарета многіе переводились въ лежачемъ положеніи въ одномъ бѣльѣ, такъ что свободной одежды и обуви всегда было достаточно.

Интересна была процедура обмундированія отправляемыхъ изъ лазарета. Утромъ въ палатѣ объявлялись фамиліи подлежащихъ отправкѣ, при чемъ никогда не сообщали, въ какой городъ отправляютъ; затѣмъ отъ нихъ отбирали лазаретное бѣлье, халаты и туфли и совершенно голыхъ выводили въ корридоръ, не обращая вниманія на холодъ; унтеръ-офицеръ выволакивалъ изъ цейхгауза кучу лохмотьевъ и швырялъ ихъ въ физіономію, дополняя раздачу пинками. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ со слезами на глазахъ возвращались въ палату, въ дырявыхъ сапогахъ и изодранныхъ костюмахъ, которымъ не позавидовалъ бы любой нищій, и съ горечью вспоминали о своей исправной одеждѣ, сданной въ цейхгаузъ.

Въ нашу палату унтеръ-офицеръ заходилъ по вечерамъ тушить въ 9 часовъ электрическій свѣтъ; дѣлалъ это онъ молча, какъ-то грубо и рѣзко, не обращая вниманія, если больному въ это время стлали постель или поправляли сбившуюся за день перевязку, что обыкновенно дѣлали наши солдаты, такъ какъ сестра милосердія и фельдшеръ вечеромъ уходили домой, и мы оставались безъ медицинской помощи до самаго утра. Въ такія ночи произошло нѣсколько смертныхъ случаевъ.

Палата охранялась часовыми, и изъ нея никого не выпускали. Совсѣмъ выздоравливающимъ, нуждавшимся въ прогулкахъ, не позволяли выходить не только во дворъ, но даже въ корридоръ, несмотря на то, что и онъ былъ подъ охраной часовыхъ.

Попытались мы пріобрѣсти русскія книги для чтенія, которыхъ въ Кенигсбергѣ очень много, и даже

имѣется библіотека, но намъ категорически воспретили читать ихъ. Воспрещеніе это можно объяснить единственно желаніемъ сдѣлать нашъ плѣнъ возможно тяжелѣе.

Въ Кенигсбергѣ существовало еще одно весьма тягостное для насъ обстоятельство—это посѣщеніе лазарета публикой. Ежедневно послѣ обѣда масса любопытныхъ являлась въ нашу палату—посмотрѣть плѣнныхъ русскихъ, и не давала намъ покоя до самаго вечера; обращеніе ихъ съ нами было очень просто, и если случалось заснуть послѣ безсонной ночи, то господа посѣтители будили безцеремонными толчками въ бокъ. И изводили же насъ эти посѣщенія! Придетъ компанія, уставится въ упоръ глупыми глазами и разсматриваетъ какъ какую-нибудь вещь, дѣлая вслухъ свои замѣчанія и тыча пальцами; и такъ изо дня въ день, доводя насъ до остервѣненія. Кстати сказать, нѣмецкое правительство строго воспретило дѣлать плѣннымъ какія бы то ни было подношенія, и нѣмцы весьма добросовѣстно исполняютъ это распоряженіе.

VIII.

Утромъ 4-го ноября намъ объявили, что всѣ четыре офицера и часть нижнихъ чиновъ переводятся въ другой городъ, куда мы должны быть отправлены черезъ два часа. На наши вопросы въ какой городъ насъ отправляютъ, намъ отвѣчали, что объ этомъ никто въ лазаретѣ не знаетъ, а извѣстно только конвою, который приметъ насъ на поѣздѣ.

Начались сборы. „Ходячихъ“ нижнихъ чиновъ раздѣли и повели въ корридоръ на экипировку. Мы потребовали изъ цейхгауза нашу одежду. У меня туда была сдана только одна, но совсѣмъ хорошая шинель, а у остальныхъ полные комплекты одежды и обувь. Повезло только Д—ву, которому принесли его вещи,

но, правда, безъ сапогъ, а остальнымъ сказали, что никакой одежды ихъ въ цейхгаузѣ не имѣется. Нѣсколько разъ посылали мы переводчика къ унтеръ-офицеру, и онъ приносилъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. Тогда мы послали къ генералъ-артцу; тотъ пришелъ, раскричался и приказалъ унтеръ-офицеру отыскать наши вещи, но унтеръ-офицеръ чѣмъ-то отговорился и генералъ-артцъ объявилъ намъ, что сейчасъ нашихъ вещей не могутъ найти, а найдутъ послѣ и пришлютъ намъ; если же вещи окажутся пропавшими, то намъ выдадутъ ихъ стоимость деньгами, и при этомъ сказалъ намъ, чтобы по пріѣздѣ въ мѣсто нашего назначенія мы подали письменное заявленіе съ подробной описью пропавшаго. Мы поблагодарили генералъ-артца за его заботливое отношеніе къ намъ и по пріѣздѣ сдѣлали, какъ онъ сказалъ. Наше заявленіе было препровождено къ нему, но никакого отвѣта мы не получили.

По уходѣ генералъ-артца изъ палаты служитель принесъ съ саркастической улыбкой изодранныя шинели и фуражки, и мы, обмундировавшись, покатили въ автомобиляхъ на вокзалъ.

На этотъ разъ я былъ одѣтъ богаче, чѣмъ при отъѣздѣ изъ Гольдапа: кромѣ нижней рубахи и носковъ на мнѣ были еще рваныя фуражка и кальсоны, купленные раньше, на всякій случай, черезъ посредство сестры милосердія.

Офицеровъ положили въ вагонъ второго класса, а нижнихъ чиновъ—третьяго. Вагоны не были приспособлены подъ перевозку раненыхъ, а между тѣмъ, среди насъ много было лежачихъ, и нѣсколько нижнихъ чиновъ, которымъ за день до отправки и наканунѣ сдѣлали серьезныя операціи, а двумъ изъ нихъ—трепанацію черепа.

До поздняго вечера намъ ничего не давали ѣсть;

голодъ сильно насъ мучилъ, и мы просили купить на наши деньги хотя бы хлѣба, но получили отказъ. У прапорщика Б—скаго оказалось яблоко и фунта полтора сахару; все это мы съѣли, чтобы хоть немного заглушить голодъ.

Куда мы ѣдемъ, и долго ли будемъ ѣхать, намъ не говорилъ и конвой, отговариваясь незнаніемъ.

Поздно вечеромъ поѣздъ стоялъ довольно долго на станціи Брауенбургъ, гдѣ намъ дали по кружкѣ чая и куску хлѣба. Во время чая въ вагонъ вошелъ молодой нѣмецъ въ формѣ военнаго санитара и заговорилъ съ нами чистѣйшимъ русскимъ языкомъ. На мой вопросъ, гдѣ онъ выучился такъ хорошо говорить по-русски, нѣмецъ разсказалъ, что онъ родился въ Петроградѣ, гдѣ прожилъ двадцать пять лѣтъ, и Россію знаетъ лучше, чѣмъ Германію; при объявленіи войны его задержали въ качествѣ военноплѣннаго, но ему удалось бѣжать.

— „По окончаніи войны“—закончилъ онъ,—„я, конечно, возвращусь въ Петроградъ; тамъ моя родина, тамъ у меня большое торговое предпріятіе по части автомобилей и обширныя знакомства, а здѣсь у меня ничего нѣтъ“.

Я его спросилъ, передалъ ли онъ кому-нибудь свое предпріятіе?

— „Нѣтъ, оставилъ такъ“,—отвѣтилъ онъ,—„но я за него не боюсь. Русское правительство приметъ мѣры къ его охранѣ, а нѣтъ, такъ заплатитъ за него“.

Уходя онъ спросилъ меня: „Правдивы ли слухи, что будто въ Россіи изданъ манифестъ о ликвидаціи въ четырехмѣсячный срокъ всѣхъ нѣмецкихъ предпріятій?“ Я отвѣтилъ, что уже давно въ плѣну и не знаю, что дѣлается въ Россіи.

— „Нѣтъ“,—сказалъ онъ увѣренно,—„Россія не допуститъ такого безобразія“.

Аналогичныя слова пришлось мнѣ слышать недавно и въ Штральзундѣ. Нѣмецъ, открывшій незадолго до войны въ Петроградѣ торговлю роялями, теперь состоитъ на военной службѣ въ Германіи и, благодаря знанію русскаго языка, служитъ въ лагерѣ военноплѣнныхъ. Этотъ господинъ такъ же развязно говорилъ, что послѣ войны онъ вернется въ Россію развивать свое предпріятіе и что тамъ не посмѣютъ допустить, чтобы что-нибудь пропало изъ его имущества.

На другой день утромъ на одной остановкѣ намъ объявили, что мы пріѣхали къ мѣсту назначенія, и тутъ только мы узнали, что городъ, куда насъ перевели, называется Шнейдемюль.

IX.

Лазаретъ въ Шнейдемюлѣ былъ устроенъ въ загородномъ ресторанѣ „Бюргергартенъ". Насъ помѣстили въ лѣтней пристройкѣ ресторана съ очень тонкими стѣнами; двери съ огромными щелями выходили прямо во дворъ, безъ прихожей; оконныя рамы были только лѣтнія, плохо пригнанныя, съ большими щелями; сквозь эти щели свободно врывался вѣтеръ, который дулъ почти непрерывно и бывалъ очень сильный. Печей постоянныхъ, какъ и полагается въ лѣтней постройкѣ, не существовало, а вмѣсто нихъ были поставлены чугунныя, дававшія тепло только пока горѣли, топить же ихъ долго нельзя было за отсутствіемъ достаточнаго количества угля.

Въ этой палатѣ помѣщалось насъ — десять офицеровъ, врачъ, тоже раненый, и девять нижнихъ чиновъ. Исторія раненія врача и полковника Н—на, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Полковникъ Н—нъ, старый человѣкъ, начальникъ хозяйственной части, былъ забранъ въ плѣнъ съ обозомъ. Когда вели плѣнныхъ, на одной остановкѣ онъ присѣлъ, и за это конвойный вса-

дилъ ему штыкъ въ спину. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ раненія Н—нъ скончался.

Врачъ И—цъ былъ захваченъ нѣмцами въ деревнѣ, во время перевязки раненыхъ. Къ нему подошелъ нѣмецкій солдатъ и направилъ на него винтовку, угрожая стрѣлять. И—цъ, хорошо говорившій по-нѣмецки, объяснилъ солдату, что онъ безоружный врачъ, и указалъ на повязку съ краснымъ крестомъ; то же самое сказали солдату, присутствовавшіе при этомъ мужчина и женщина, уговаривая его не стрѣлять, но нѣмецкая культура одержала верхъ, и пуля, выпущенная въ упоръ, пронизала животъ врача.

Къ счастью, И—цъ хотя былъ и тяжело раненъ, все же выздоровѣлъ, и теперь явится живымъ свидѣтелемъ нѣмецкаго варварства.

По своей обстановкѣ шнейдемюльскій лазаретъ походилъ на Кенигсбергскій, только былъ значительно неопрятнѣе; особенно бросались въ глаза кровати, сколоченныя изъ неструганныхъ досокъ и совершенно ободранные полы, которымъ, не взирая на усиленную по нѣсколько разъ въ день чистку, невозможно было придать приличный видъ.

Отличительной особенностью палаты былъ адскій холодъ; за всю жизнь я отъ него не страдалъ столько, сколько пришлось за два мѣсяца пребыванія въ лазаретѣ. Много разъ обращались мы съ просьбой задѣлать хоть какъ-нибудь щели, но на наши просьбы не обращали никакого вниманія, и даже находили, что въ палатѣ недостаточно свѣжаго воздуха, почему фельдфебель, не обращая вниманія на протесты, ежедневно по утрамъ распахивалъ собственноручно дверь во дворъ на довольно продолжительное время.

Кромѣ нашей палаты, была въ лазаретѣ еще одна— для нижнихъ чиновъ, и нѣсколько бараковъ; тамъ я

ни разу не былъ, но слышалъ, что въ баракахъ было еще много холоднѣе, чѣмъ у насъ.

Много было въ лазаретѣ вопіющихъ недостатковъ, но всѣ они въ значительной степени искупались великолѣпной медицинской помощью плѣннаго русскаго хирурга Б—ля, котораго я не могу вспоминать безъ чувства самой искренней признательности и уваженія. Благодаря его искусству и неустанной съ утра до ночи работѣ, многіе изъ насъ не отправились на тотъ свѣтъ или не стали совершенными калѣками.

Помогали Б—лю нѣсколько плѣнныхъ фельдшеровъ, которые кромѣ спеціальныхъ обязанностей, исполняли и служительскія, работая въ такихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ не за страхъ, а за совѣсть. Ни малѣйшаго упрека или недовольства по адресу нашего медицинскаго персонала я ни отъ кого не слышалъ, и онъ вправѣ гордиться тѣмъ уваженіемъ всѣхъ раненыхъ, которое вполнѣ заслужилъ своей самоотверженной дѣятельностью, давшей благодѣтельные результаты.

Завѣдывалъ лазаретомъ нѣмецкій врачъ Маусъ, подчинявшійся генералъ-артцу, подъ наблюденіемъ котораго находились всѣ военныя лѣчебныя заведенія въ городѣ, и кромѣ того, въ военномъ отношеніи лазаретъ подчинялся коменданту лагерей военноплѣнныхъ.

Врачъ Маусъ имѣлъ оригинальную особенность: у него было два ряда зубовъ и совсѣмъ пусто въ головѣ. Тупой, лѣнивый, ничего не смыслящій въ медицинѣ, но высокаго о себѣ мнѣнія, онъ, конечно, ничего не дѣлалъ, и своими распоряженіями только мѣшалъ другимъ работать. Его спеціальностью было постоянное подтягиваніе часовыхъ и фельдшеровъ за, якобы, не достаточное выраженіе почтенія къ его особѣ при отданіи чести. Приходя въ лазаретъ, онъ требовалъ, чтобы всѣ почтительно вытягивались въ струнку, а Б—ль

встрѣчалъ его; если во время его прихода Б—ль производилъ операцію, то долженъ былъ ее бросать и бѣжать встрѣчать „начальство“. Понятное дѣло, Б—ль не исполнялъ дикаго требованія—прерывать операцію, и получалъ за это непріятности. Больными Маусъ интересовался лишь съ точки зрѣнія возможности представить ихъ въ порядкѣ начальству и этимъ втереть очки, какъ результатомъ, якобы, своей выдающейся дѣятельности. Въ ожиданіи прихода власть имущихъ онъ приказывалъ осмотрѣть перевязки, и если найдутся загрязненныя, то повязать поверхъ нихъ чистую марлю. —„Возиться съ перевязками не стоитъ, а повязать поверхъ чистую марлю—просто, и перевязка выглядитъ свѣженькой“,—пояснялъ онъ назидательно свои приказанія. Къ счастью раненыхъ, Маусъ по своей лѣни только приказывалъ, а перевязывалъ по своему Б—ль, работая въ свободное отъ посѣщеній Мауса время.

Генералъ-артца пришлось видѣть мнѣ очень мало, а комендантъ посѣтилъ лазаретъ только одинъ разъ, но и этого раза было для насъ вполнѣ достаточно. Прихода его, объявленнаго заранѣе, мы ожидали съ большимъ интересомъ, ибо впервые предстояло столкнуться съ военнымъ нѣмецкимъ начальствомъ и познать на собственной шкурѣ его отношеніе къ плѣннымъ. И вотъ, наконецъ, дождались: въ палату вошелъ высокій, старый полковникъ. Мотнувъ слегка головой, онъ прямо подошелъ къ врачу И—цу и спросилъ, при какихъ обстоятельствахъ тотъ былъ раненъ. И—цъ началъ разсказывать, но комендантъ рѣзко оборвалъ, что это неправда и что такіе случаи въ германской арміи немыслимы. Оборвавъ И—ца, онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобы было видно всѣхъ и, задыхаясь отъ злобы, обратился къ намъ съ рѣчью:

— „Сволочи вы! Мерзавцы! Собаки! Свиньи! Васъ бы, всѣхъ собакъ, перевѣшать!“ Заключивъ свою краткую,

но выразительную рѣчь сочнымъ плевкомъ, онъ повернулся и пошелъ, но въ дверяхъ пріостановился и ѣдко добавилъ:

— „Могу сообщить вамъ пріятную новость: вся ваша армія на Вислѣ капитулировала“. Къ великому нашему удовольствію, намъ не пришлось больше встрѣчаться съ этимъ нѣмецкимъ офицеромъ.

X.

Въ Шнейдемюлѣ находилось три солдатскихъ лагеря для плѣнныхъ. Сообщеніе съ лагерями намъ было строго воспрещено, но благодаря тому, что изъ нихъ поступили въ лазаретъ больные и выписывались туда выздоровѣвшіе, мы получали достаточныя свѣдѣнія о тамошней жизни, и даже удавалось переписываться. Свѣдѣнія, которыя намъ удалось добыть, оказались вѣрными, и были потомъ подтверждены нѣкоторыми врачами, работавшими въ этихъ лагеряхъ и подпоручикомъ Л—мъ, скрывшимъ свое офицерское званіе и прожившимъ мѣсяца два на положеніи нижняго чина.

Всѣхъ плѣнныхъ, прибывавшихъ въ лагерь, подвергали дезинфекціи, для чего отправляли въ ванную, гдѣ раздѣвали, мыли и затѣмъ совершенно голыхъ отправляли по баракамъ, въ которые удавалось попасть не сразу, а выстоявши порядочное время на морозѣ. Бараки были страшно холодные, и въ нихъ валялись на соломѣ, разостланной на полу.

На обѣдъ давали нѣсколько вареныхъ картофелинъ или немного жидкой болтушки, въ которой плавали рѣдкіе кусочки рѣпы; мяса и чая не полагалось совсѣмъ. На сутки давали не болѣе полуфунта военнаго хлѣба, къ которомъ очень часто попадались куски неочищеннаго картофеля.

Обращеніе съ плѣнными было звѣрское: за малѣйшій пустякъ били чѣмъ попало или, подвергали же-

стокимъ наказаніямъ, изъ которыхъ чаще всего практиковалось привязываніе на нѣсколько часовъ къ столбу. Нѣсколькихъ человѣкъ пристрѣлили за то, что во время раздачи пищи, не имѣя силъ побороть мученій голода, они выходили изъ шеренги, стоящей передъ кухней и старались поскорѣе получить свою жалкую порцію. Нѣкоторыхъ пристрѣлили за то, что они выбирали изъ мусорныхъ ямъ обрѣзки картофеля и рѣпы, выброшенные изъ кухни.

Слѣдствіемъ царившаго въ лагерѣ страшнаго голода явились острыя желудочныя заболѣванія въ родѣ холеры и тифа, уносившіе въ могилу десятка по два, по три ежедневно. На борьбу съ этими болѣзнями были назначены русскіе врачи, которые сами почти всѣ переболѣли здѣсь тифомъ.

Послѣ того, какъ усиліями русскихъ врачей эпидемія была прекращена, нѣмцы сдѣлали дезинфекцію бараковъ, переведя всѣхъ плѣнныхъ въ вырытыя неотапливаемыя землянки. Результатомъ этой дезинфекціи было то, что большое число отощавшихъ солдатъ отморозили себѣ руки и ноги, и очень многимъ изъ нихъ произвели ампутацію, а нѣкоторые отправились на тотъ свѣтъ.

Въ общемъ, въ Шнейдемюлѣ отъ разныхъ причинъ, по винѣ нѣмцевъ, умерло около шести тысячъ человѣкъ.

Много разсказывали о подвигахъ нѣмецкаго врача Рейтера, избравшаго своей спеціальностью избиваніе плѣнныхъ. При встрѣчѣ съ нашими солдатами, онъ ихъ билъ безъ всякаго повода палкой по головѣ; иногда онъ вырывалъ у совершенно здоровыхъ зубы, практикуясь въ зубоврачебномъ искусствѣ. Кромѣ того, онъ оказался коллекціонеромъ, и набралъ у плѣнныхъ большое количество полковыхъ значковъ, кокардъ и погонъ.

Настоящее мое заявленіе о звѣрскихъ подвигахъ Рейтера основано не на какомъ-нибудь единичномъ случайномъ фактѣ, а дѣйствительно онъ избивалъ плѣнныхъ палкой и дергалъ здоровые зубы систематически, и не вслѣдствіе какихъ-нибудь поводовъ со стороны несчастныхъ жертвъ, а въ свое удовольствіе, ради удовлетворенія садистической страсти.

Счастье раненыхъ, что лазаретъ не былъ въ сферѣ дѣятельности Рейтера, а то бы немногіе изъ нихъ остались живыми.

За три дня до Рождества, къ великому нашему огорченію, перевели въ лагерь на борьбу съ тифомъ Б—ля, который былъ для насъ не только врачемъ, но и незамѣнимымъ другомъ, собесѣдникомъ и переводчикомъ газетъ, доставлявшимъ много пріятныхъ минутъ въ нашей тяжелой жизни. Праздники мы встрѣтили безъ него. Рано утромъ пришли фельдшера, пропѣли „Рождество Твое Христе Боже Нашъ", поздравили насъ съ праздникомъ, а затѣмъ нѣмцы погнали ихъ на дворъ— чистить отхожія мѣста. Про нашъ праздникъ нѣмцы знали отлично, о немъ заявляли имъ и фельдшера, желая отложить работу, но развѣ нѣмцы могли упустить такой прекрасный случай поиздѣваться надъ русскими?

Черезъ нѣсколько дней мы получили изъ лагеря коротенькую записку отъ Б—ля съ поздравленіемъ съ праздниками; записка оканчивалась фразой: „тяжело въ лагерѣ, сегодня опять подстрѣлили одного". А еще черезъ нѣсколько дней узнали, что онъ заболѣлъ тифомъ въ тяжелой формѣ. Слава Богу, онъ перенесъ болѣзнь и выздоровѣлъ, на пользу многихъ раненыхъ, заброшенныхъ въ эту варварскую страну.

На мѣсто Б—ля въ лазаретъ назначили нѣмецкаго врача Штепфеля, а Мауса убрали, къ общему благополучію, въ другое мѣсто.

25-го января восемь офицеровъ, въ томъ числѣ и я, были выписаны изъ лазарета съ назначеніемъ въ лагерь въ гор. Бесковѣ. О выпискѣ намъ стало извѣстно за нѣсколько дней, и мы стали готовиться къ отъѣзду. Главной заботой явился вопросъ объ одеждѣ, и обуви, которыхъ у большинства не было совсѣмъ. Объ этомъ было заявлено врачу; этотъ доложилъ генералъ-артцу. Заботливый нѣмецъ вошелъ въ наше затруднительное положеніе и распорядился снабдить насъ въ кредитъ награбленными бельгійскими шароварами и куртками, назначивъ по восемнадцати марокъ за пару, и выточенными изъ цѣльнаго куска дерева башмаками, за двѣ съ половиной марки. Вмѣсто верхней одежды были великодушно предложены на прокатъ одѣяла. Перспектива облачиться для зимней поѣздки въ такой поэтическій костюмъ мало намъ улыбалась, и мы послѣ усиленныхъ хлопотъ и стараній, достали при помощи нашихъ фельдшеровъ и марокъ, завалявшіяся въ сараяхъ отъ умершихъ нашихъ солдатъ разныя отрепья, которыми нѣмцы побрезговали и не растащили.

26-го января рано утромъ я съ товарищами покинулъ лазаретъ, облачившиеь въ костюмъ, состоявшій изъ дыръ и заплатъ, съ подобраннымъ на дворѣ изорваннымъ штиблетомъ моднаго фасона на лѣвой ногѣ и стоптаннымъ распоротымъ солдатскимъ сапогомъ на правой.

До вокзала было версты двѣ, не менѣе; экипажа намъ не дали никакого, несмотря на то, что всѣ только что встали съ постели и не могли какъ слѣдуетъ ходить, а четверо были даже съ незакрывшимися еще ранами. Къ счастью, намъ удалось за дорогую цѣну нанять кареты. Слѣдующей партіи, выписанной изъ лазарета это не удалось, и они вынуждены были тащиться пѣшкомъ. На вокзалѣ пришлось очень долго ждать поѣзда; въ залъ насъ не впустили и не дали возмож-

ности выпить стаканъ чаю и согрѣться, а выдержали на морозѣ часа полтора, къ большому удовольствію многочисленной публики. На вокзалѣ къ намъ присоединился, отправленный изъ солдатскаго лагеря поручикъ Л—въ, офицерское званіе котораго было открыто. До Франкфурта на Одерѣ насъ повезли въ вагонѣ третьяго класса съ пассажирскимъ поѣздомъ, а отъ Франкфурта въ такомъ же вагонѣ, но съ товарнымъ поѣздомъ, въ которомъ вагоны нельзя отапливать, и мы чуть не замерзли пока доѣхали.

Часовъ въ 10 вечера наша полузамерзшая, голодная (ѣсть въ дорогѣ ничего не дали) компанія, еле передвигая отъ усталости не окрѣпшія раненыя ноги, шествовала подъ конвоемъ ландштурмистовъ по улицамъ Бескова, сопровождаемая до самаго лагеря густой толпой, шумно привѣтствовавшей насъ криками: „руссише швейне“!..

XI.

На окраинѣ Бескова, небольшого городка, едва насчитывающаго три тысячи жителей, расположеннаго въ трехъ часахъ ѣзды отъ Берлина, на берегахъ рѣки Шпрее, стоитъ мрачное строеніе средневѣковаго замка, уединившагося отъ современной суетливой жизни городка за плотной стѣной высокихъ деревьевъ. Четыре съ лишкомъ вѣка, пронесшіеся надъ замкомъ, не смогли сокрушить его массивнаго остова; не каснулась его облика и рука человѣка. Покрытый густымъ мохомъ и плющемъ, пустившимъ корни въ разсѣлинахъ вывѣтрившихся въ долгой борьбѣ съ непогодой стѣнъ, замокъ и понынѣ стоитъ такимъ же, какъ былъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, когда служилъ оплотомъ шайкѣ кровавыхъ рыцарей среднихъ вѣковъ.

Въ этомъ самомъ замкѣ, служившемъ въ послѣднее

время пріютомъ для крысъ и летучихъ мышей, и былъ устроенъ лагерь военноплѣнныхъ офицеровъ.

Прежде, чѣмъ пустить въ помѣщеніе плѣнныхъ, насъ отвели въ старую, пустую башню, гдѣ, вызывая по одному въ отдѣльную комнату, унтеръ-офицеръ произвелъ унизительный обыскъ съ раздѣваніемъ и выворачиваніемъ карманов, причемъ у одного была отобрана бутылка съ ромомъ, у другого часть денегъ; унтеръ-офицеръ объявилъ при этомъ, что плѣннымъ не разрѣшается имѣть на рукахъ болѣе двадцати марокъ, и всѣ деньги сверхъ этой суммы должны обязательно сдаваться въ комендатуру на храненіе. Послѣ обыска насъ по-одиночкѣ же и другимъ ходомъ, чтобы не встрѣчаться съ необысканными, отводили въ корридоръ въ главномъ зданіи; тамъ фельдфебель заставилъ стоятъ пока не окончился, продолжавшійся довольно долго, обыскъ всѣхъ девяти человѣкъ, выстраивая по мѣрѣ прибытія въ одну шеренгу у лѣстницы, ведущей въ помѣщеніе. Обысканнымъ въ первую голову пришлось стоять, въ ожиданіи другихъ, не менѣе часа, при чемъ фельдфебель не позволилъ курить, и самъ не отходилъ отъ насъ, чтобы кто-нибудь не вздумалъ присѣсть. Наконецъ, изъ башни пришелъ послѣдній обысканный, и фельдфебель прекратилъ возмутительное издѣвательство, разрѣшивши войти въ наше будущее жилище. Дверь за нами быстро затворилась на замокъ...

Теперь постараюсь описать возможно подробнѣе всѣ условія лагерной жизни въ Бесковѣ, гдѣ мнѣ пришлось томиться шесть мѣсяцевъ.

Лагерь былъ разсчитанъ на сто двадцать офицеровъ; большая часть была размѣщена въ трехъ комнатахъ во второмъ этажѣ, по 25—30 человѣкъ въ комнатѣ, и въ двухъ маленькихъ комнатахъ въ нижнемъ этажѣ, по 13 человѣкъ въ каждой. Во всѣхъ комна-

тахъ кровати были устроены въ два яруса, чтобы можно было втиснуть побольше народа. Въ верхнемъ этажѣ была еще комната, такъ называемая столовая, гдѣ обѣдали, а въ нижнемъ ѣли тамъ же, гдѣ и спали. Вся обстановка верхнихъ комнатъ состояла изъ кроватей и шкафовъ; не было ни столиковъ, ни стульевъ. Въ столовой стояло нѣсколско старыхъ, некрашенныхъ, грязныхъ столовъ и тяжелые садовые желѣзные стулья по числу персонъ. Обстановка нижнихъ комнатъ была совмѣщеніемъ обстановки верхнихъ и столовой. Кровати стояли почти вплотную, безъ проходовъ, и въ комнатахъ было такъ тѣсно, что буквально нельзя было повернуться. Спали на очень тонкихъ тюфякахъ и подушкахъ, набитыхъ древесными стружками. Нѣсколько раненыхъ, которымъ невозможно было спать на такихъ постеляхъ, просили у коменданта разрѣшенія купить на свой счетъ соломы для тюфяковъ; комендантъ самъ не разрѣшилъ, но возбудилъ объ этомъ ходатайство по начальству. Черезъ полтора мѣсяца комендантъ объявилъ, что начальство не нашло возможнымъ удовлетворить просьбу раненыхъ и отвѣтило отказомъ на ихъ ходатайство.

Внутри замокъ имѣлъ ужасный видъ; съ объявленіемъ войны нѣмцы хотѣли использовать его для помѣщенія запаснаго батальона, но комиссія не сочла возможнымъ признать его пригоднымъ для устройства въ немъ человѣческаго жилья.

Темные, когда-то крашенные, покоробившіеся, растресканные, съ большими дырами, покрытые толстымъ слоемъ пыли и паутины потолки, кривыя, облупившіяся, грязныя стѣны, прогнившіе, безъ малѣйшаго слѣда краски полы, которые нельзя было подметать, и сгнившія оконныя рамы—краснорѣчиво подтверждали мнѣніе комиссіи... Но для помѣщенія плѣнныхъ офицеровъ замокъ показался нѣмцамъ вполнѣ подходящимъ,

и они его приспособили для этой цѣли, забивши нѣкоторыя дыры въ полахъ кусками стараго желѣза и вставивъ во всѣ окна солидныя желѣзныя рѣшетки. Конечно, слѣдствіемъ такого заботливаго приспособленія подъ жилье необитаемаго замка явились: адскій холодъ, сырость, затхлый воздухъ и невозможная грязь, съ которой нельзя было ничего подѣлать. Въ добавокъ, нѣмцы, боясь, что мы перепилимъ рѣшетки, и убѣжимъ со второго этажа мимо нѣсколькихъ вооруженныхъ часовыхъ, забили наглухо окна, разрѣшивъ отворять только форточки, и мы не имѣли возможности достаточно провѣтривать помѣщеніе, въ которомъ плѣнные были набиты, какъ сельди въ боченкѣ. Недостаточность вентиляціи давала себя чувствовать особенно лѣтомъ, когда мы буквально задыхались въ спертомъ воздухѣ. Не лучше обстояло дѣло со свѣжимъ воздухомъ и во дворѣ, куда мы могли выходить днемъ. Небольшой дворъ, въ семьдесятъ шаговъ длиной и шестьдесятъ шириной, представлялъ собою дно колодца, стѣны котораго составляли расположенныя кругомъ высокія постройки замка. Чтобы нельзя было подойти къ стѣнамъ зданій и учинить подкопъ, сажени на двѣ отъ нихъ была поставлена высокая изгородь изъ колючей проволоки, образующая клѣтку, центръ которой занимали помойная яма и отхожее мѣсто съ неплотно закрывающимся люкомъ выгребной ямы. Плѣннымъ предоставлялось право гулять въ этой клѣткѣ вокругъ центральныхъ учрежденій въ ту или другую сторону, и можно себѣ представить, какимъ воздухомъ дышали мы въ глубинѣ колодца, куда не могъ проникнуть вѣтерокъ и освѣжить наши легкія.

Въ такихъ гигіеническихъ условіяхъ проходила наша жизнь, начинавшаяся ежедневно въ семь часовъ утра, когда мы вставали и, захвативши съ собою чайную чашку, отправлялись совершать туалетъ въ умы-

вальную, устроенную на площадкѣ лѣстницы подъ чердакомъ; помѣщеніе было неотапливаемое, низкое, грязное, зловонное, еле освѣщаемое слуховымъ окномъ. Благоустройство умывальной заключалось въ нѣсколькихъ глиняныхъ чашкахъ, надъ которыми мы умывались, и двухъ ведрахъ, изъ которыхъ черпали чайными чашками воду; подавали намъ денщики,—такъ назывались плѣнные нижніе чины, прикомандированные въ числѣ двадцати человѣкъ къ нашему лагерю для разныхъ работъ. Часовъ въ 8 денщики приносили въ ведрахъ „кофе" безъ сахара; его мы пили, наливая разливательными ложками въ чашки, изъ которыхъ только что умывались. Послѣ кофе выходили на повѣрку, для чего, не взирая ни на какую погоду, выстраивались на дворѣ въ двѣ шеренги, и фельдфебель или унтеръ-офицеръ считалъ насъ; при повѣркѣ требовалось, чтобы мы стояли въ затылокъ и воспрещались всякіе разговоры.

Часовъ въ 12 подавался обѣдъ, состоявшій изъ супа, приготовленнаго изъ картофеля, брюквы или изъ мелкаго кормового гороха, разводимаго спеціально для откармливанія свиней; на второе блюдо давали микроскопическій кусочекъ мяса изъ супа съ приложеніемъ варенаго картофеля. Иногда, вмѣсто супа, давали какую-то отвратительную вареную рыбу, неизвѣстной никому изъ насъ породы, которую могли съ большимъ трудомъ ѣсть только немногіе, наиболѣе страдающіе отъ голода. О рыбныхъ дняхъ насъ извѣщалъ наканунѣ запахъ, заглушавшій нормальную вонь во дворѣ. Пробовали протестовать противъ рыбнаго блюда, но получили въ отвѣтъ: „не забывайте, что вы плѣнные". Часовъ въ 7 ужинали, получая селедку или маленькій кусочекъ колбасы, которую за ея вкусовыя особенности всѣ называли: „собачья радость;" очень рѣдко на ужинъ давали молочную сорочинскую кашу на водѣ или пару

сосисокъ, величиною съ папироску среднихъ размѣровъ. Иногда къ селедкѣ и „собачьей радости“ приносили нѣчто въ родѣ чая, конечно, безъ сахара. Обѣдъ, ужинъ, кофе и чай подавались въ однихъ и тѣхъ же ведрахъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ тарелками, по одной на каждаго человѣка, и ножами съ вилками, весь нашъ столовый сервизъ. Скатертей, салфетокъ, солонокъ, хлѣбницъ и другихъ подобныхъ предметовъ комфорта— не полагалось.

Хлѣбъ выдавали на два дня, въ видѣ булки вѣсомъ около полутора фунта, испеченной изъ незначительнаго количества ржаной муки съ большой примѣсью картофеля.

Послѣ ужина производилась опять повѣрка, и затѣмъ офицеры загонялись по комнатамъ и запирались на замокъ, при чемъ въ комнату ставилась параша.

Въ 10 часовъ убиралась керосиновая лампа, и мы оставались въ темнотѣ до утра. Въ послѣднее время завели маленькіе ночнички.

XII.

Штабъ лагеря состоялъ изъ коменданта, двухъ лейтенантовъ, фельдфебеля-лейтенанта (соотвѣтствуетъ званію нашего подпрапорщика), фельдфебеля, унтеръ-офицера, завѣдывающаго канцеляріей (онъ же переводчикъ) и писаря. Для окарауливанія насъ, въ замкѣ находилась команда ландштурмистовъ, выставлявшая трехъ часовыхъ во дворѣ и нѣсколькихъ вокругъ замка. Такого количества начальства и охраны было болѣе, чѣмъ достаточно для сотни плѣнныхъ, помѣщенныхъ въ небольшой клѣткѣ; ни на секунду никто не оставался безъ непосредственнаго тягостнаго надзора, и въ теченіе дня никуда нельзя было спрятаться отъ нѣмецкихъ взглядовъ, доводившихъ насъ до бѣшенства.

Начиная съ коменданта и кончая послѣднимъ рядовымъ, всѣ чины штаба, для характеристики которыхъ достаточно сказать, что они являлись нѣмцами въ полномъ современномъ значенiи этого слова, старались съ безпримѣрнымъ усердiемъ сдѣлать условiя нашей жизни невыносимыми, не упуская для этого ни одного самаго мелочнаго случая. Особенное усердiе въ этомъ отношенiи проявлялъ фельдфебель-лейтенантъ, прозванный вполнѣ справедливо: „собачiй фельдфебель"; до войны онъ служилъ тюремнымъ надзирателемъ, и теперь примѣнялъ къ намъ свою спецiальность. Цѣлые дни неустанно слѣдилъ онъ опытнымъ глазомъ, вынюхивалъ, высматривалъ и докладывалъ коменданту, который никогда не упускалъ возможности поиздѣваться надъ плѣнными пространными, оскорбительными выговорами и угрозами, заставляя выслушивать ихъ въ почтительной позѣ. Малѣйшiй пустякъ въ родѣ того, что опоздалъ на нѣсколько секундъ на повѣрку или вышелъ на нее второпяхъ безъ фуражки или пояса, и комендантъ уже отводитъ свою душу, размахивая руками и крича на весь дворъ, раздувая ничтожное происшествiе въ цѣлое событiе. Такiя исторiи повторялись изо дня въ день, благо для нихъ не требовалось серьезнаго предлога.

Отношенiе другихъ чиновъ штаба къ намъ также было грубое, унизительное; никто изъ нихъ не признавалъ въ насъ людей—для нихъ мы были только плѣнныя—русскiя свиньи, и они на каждомъ шагу подчеркивали свое презрительное отношенiе къ намъ. При встрѣчѣ съ плѣнными офицерами ландштурмистъ никогда не уступалъ дороги, даже если это былъ раненый, съ трудомъ могущiй ходить; когда ландштурмисту надо было пройти въ помѣщенiе, а на порогѣ стояли офицеры, то онъ не просилъ пропустить его, а прямо отталкивалъ и проходилъ. Завели мы какъ-то игру въ гольфъ, состояв-

шую въ томъ, что надо было загонять шары въ лунки; устроили площадку, а на другой день утромъ, когда мы еще спали, ландштурмисты нагадили во всѣ лунки. Объ этомъ заявили коменданту, и онъ пообѣщалъ намъ посадить на три дня подъ арестъ часовыхъ, если подобный случай повторится.

Режимъ въ лагерѣ былъ строго тюремный; никакихъ сношеній съ посторонними лицами не допускалось, и если кто-нибудь заходилъ по дѣлу въ лагерь, то за нимъ учреждался надзоръ, чтобы онъ не могъ разговаривать съ плѣнными. Двое воротъ, одни въ проволочной изгороди и другіе въ стѣнѣ между двумя постройками замка, всегда были заперты на замки, ключи отъ которыхъ находились у часового. Прогулокъ внѣ замка не полагалось; разрѣшалось гулять во дворѣ, въ клѣткѣ подъ усиленнымъ надзоромъ часовыхъ и чиновъ штаба отъ утренней повѣрки до вечерней, а въ остальное время, какъ сказано, мы запирались на замокъ въ комнатахъ съ желѣзными рѣшетками. Переписка съ родными была ограничена четырьмя открытками и двумя письмами въ мѣсяцъ и проходила черезъ строгую цензуру комендатуры, причемъ письма и открытки разрѣшалось писать только карандашомъ, и они отправлялись не сразу, а обязательно выдерживались въ канцеляріи въ теченіе десяти дней; эту задержку нѣмцы называли карантиномъ. Карантинъ существовалъ и для посылокъ, которыя выдавались черезъ двѣ недѣли послѣ ихъ прибытія. Впослѣдствіи срокъ карантина измѣнили, и посылки стали выдавать на 28-й день съ момента ихъ сдачи на почту, такъ что посылки дошедшія, напримѣръ, на двадцать пятый день выдавались черезъ три, а дошедшія на десятый—черезъ восемнадцать дней. Такой карантинъ нѣмцы объясняли необходимостью, во имя справедливости, уравнять насъ въ отношеніи скорости полученія писемъ и посылокъ

съ плѣнными нѣмцами, водворенными въ далекой Сибири.

Газеты разрѣшались нѣмецкія, и то не всѣ,—съ оппозиціоннымъ направленіемъ безусловно не допускались. Не трудно угадать, какія свѣдѣнія о громкихъ нѣмецкихъ побѣдахъ, о разгромѣ русской арміи, о голодѣ и кровавой революціи въ Россіи, черпали мы изъ разрѣшенныхъ патріотическихъ газетъ. Кромѣ нихъ намъ усиленно навязывали „Русскія извѣстія",—газету на русскомъ языкѣ, издаваемую въ Берлинѣ спеціально для плѣнныхъ; такія же извѣстія издавались для англичанъ и французовъ.

Въ этой газетѣ, которую редакція рекомендуетъ, какъ нейтральную, прославляется превосходство нѣмецкой культуры и доказывается необходимость господства нѣмцевъ, безъ чего человѣчество не можетъ достигнуть никакихъ благъ. Какъ бы доказательствомъ этому служатъ—помѣщаемыя въ каждомъ номерѣ письма въ редакцію, написанныя, якобы, плѣнными русскими. Въ нихъ одни авторы подробно описываютъ, какъ они рады, что, попавъ въ плѣнъ, познали блага нѣмецкой культуры и избавились отъ „рокового гнета Россіи", другіе увѣряютъ, что по окончаніи войны имъ придется унести съ собой на родину „лучшія воспоминанія о пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени въ плѣну", и „свѣтлые образы часовыхъ" и т. д. Одно письмо было подписано,—„цѣлую Вашу руку, унтеръ-офицеръ N (фамиліи не помню)". Понятное дѣло этой гнусной прокламаціи ни кто изъ офицеровъ не читалъ, а какъ она дѣйствовала на умы нижнихъ чиновъ, узнать мнѣ не пришлось.

Пріобрѣтать русскія книги разрѣшалось, но только отъ нѣмецкихъ фирмъ, каталоги которыхъ заключали преимущественно нелегальную дребедень.

Покупать что-либо въ городѣ намъ не разрѣша-

лось;—для этого существовала въ лагерѣ лавочка, такъ называемая кантина; содержатель лавочки былъ связанъ съ комендатурой какимъ-то контрактомъ, въ силу котораго мы не имѣли права пріобрѣсти ни одной вещи помимо него, и отдавались, такимъ образомъ, цѣликомъ на съѣденіе. Благодаря отсутствію конкуренціи, кантинщикъ держалъ товаръ самаго низкаго качества и устанавливалъ невѣроятныя цѣны; какъ бы ни былъ плохъ товаръ, особенно съѣстные продукты, онъ въ концѣ концовъ расходился, такъ какъ разсчетливый нѣмецъ не приносилъ новаго, пока не распродавалъ стараго, твердо зная, что продукты намъ очень нужны, а купить ихъ кромѣ него—негдѣ. Притомъ кантинщикъ содержалъ нашъ столъ и всегда имѣлъ возможность соотвѣтствующими обѣдами и ужинами вызвать у насъ необходимость покупать и плохіе продукты. Шоколадъ, свѣчи, чернила, хлѣбъ, булки, пирожное, табакъ, сигары и папиросы были категорически воспрещены для продажи. Незадолго до моего отъѣзда продажу табака разрѣшили, но курить и до этого разрѣшенія не воспрещалось, если кому присылали папиросы изъ Россіи, и въ этомъ отношеніи нашъ лагерь былъ счастливѣе, напримѣръ, лагеря въ Галле, гдѣ за куреніе офицеровъ сажали подъ арестъ. Чувствительнѣе всего было запрещеніе продажи хлѣба и булокъ, такъ какъ выдаваемый „военный“ хлѣбъ былъ очень невкусный, неудобоваримый и малопитательный, и трехъ четвертей фунта его въ сутки было слишкомъ мало при недостаткѣ другой питательной пищи. Восполнять же недостающую пищу покупкой въ кантинѣ не представлялось возможнымъ, такъ какъ младшему офицеру причиталось жалованья 60 марокъ, изъ которыхъ за столъ удерживалось 40 и на руки выдавалось 20; на эти деньги нужно было купить сахару, мыла, письменныя принадлежности, отдать за стирку бѣлья,

стрижку и бритье и т. п., такъ что на полученіе питанія оставалось не болѣе двѣнадцати марокъ. Что же можно было сдѣлать на эти двѣнадцать марокъ въ мѣсяцъ, когда фунтъ скверной колбасы или масла стоилъ три марки? Про курящихъ я уже ничего не говорю: всякій пойметъ ихъ положеніе.

XIII.

28-го іюля меня и трехъ другихъ офицеровъ позвали къ коменданту, который объявилъ, что, согласно полученной телеграммы, завтра въ 6 часовъ утра мы будемъ отправлены въ Штетинъ—сборное мѣсто для инвалидовъ—и оттуда въ Засницу, гдѣ будетъ посадка на шведскій пароходъ для отправленія въ Россію... На другой день безъ всякихъ приключеній пріѣхали мы въ Штетинъ, и были помѣщены въ хорошемъ лазаретѣ, куда уже начали собираться со всѣхъ лагерей раненые, предназначенные къ обмѣну. Всѣхъ набралось 48 человѣкъ. Черезъ три дня изъ Берлина прибыла комиссія, назначенная для выбора инвалидовъ подлежащихъ отправкѣ на родину. Изъ 48 человѣкъ, комиссія выбрала только тридцать, а 18 были признаны пригодными для несенія службы въ тылу и отправлены въ лагерь. Въ тотъ же день изъ числа выбранныхъ была отправлена въ Засницу первая партія въ 5 человѣкъ, а остальнымъ объявили, что ихъ будутъ отправлять такими же партіями,—по три каждую недѣлю. Я былъ назначенъ въ четвертую партію. Отправка совершалась исправно и, наконецъ, наступила очередь нашей партіи. Мы собрали наши вещи, расплатились за содержаніе въ лазаретѣ, распрощались съ остающимися и собирались уже покинуть лазаретъ, какъ вдругъ намъ объявили, что прислана телеграмма съ приказаніемъ пріостановить отправку.

На другой день намъ объяснили, что обмѣнъ офи-

церовъ прекращенъ вслѣдствіе того, что Россія высылаетъ только австрійскихъ офицеровъ и ни одного германскаго, и пока изъ Россіи не будутъ присланы германскіе офицеры, насъ не отправятъ.

Потянулись томительные дни, не приносившіе ничего утѣшительнаго. Узнать, въ какомъ положеніи находится обмѣнъ, было не откуда, и мы питались разными слухами, изъ которыхъ за наиболѣе вѣроятный выдавался тотъ, что въ Россіи не имѣется германскихъ офицеровъ-инвалидовъ, и что, слѣдовательно, намъ придется распрощаться съ мечтой о возвращеніи домой. 3-го сентября насъ отправили въ лагерь въ Штральзундѣ, и наши надежды окончательно разсѣялись.

Въ Штральзундскомъ лагерѣ, расположенномъ на островѣ Дэнгольмъ, покрытомъ большими деревьями, я встрѣтилъ мало новаго. Для прогулокъ было отгорожено колючей проволокой большое пространство въ серединѣ острова, такъ что въ отношеніи свѣжаго воздуха была благодать, но въ отношеніи пищи было хуже, чѣмъ въ Бесковѣ; давали только утренній кофе и обѣдъ, а ужина и хлѣба не полагалось. Хлѣбъ приходилось покупать въ кантинѣ по хлѣбнымъ карточкамъ, выдаваемымъ еженедѣльно. По этимъ карточкамъ можно было купить только 2.000 граммъ, что составляетъ около $^3/_4$ фунта въ сутки. Здѣсь офицеры бѣдствовали значительно больше, чѣмъ въ Бесковѣ.

Число плѣнныхъ въ Штральзундскомъ лагерѣ непостоянно, такъ какъ онъ является пересыльнымъ пунктомъ; сюда поступаютъ почти всѣ плѣнные; ихъ выдерживаютъ въ карантинѣ и затѣмъ отправляютъ въ постоянные лагери. При мнѣ плѣнныхъ было около тысячи человѣкъ, главную массу которыхъ составлялъ гарнизонъ Новогеоргіевской крѣпости.

25-го октября, около 7 часовъ вечера, меня неожи-

данно позвали въ канцелярію, гдѣ объявили, что черезъ полтора часа я съ тремя другими офицерами буду отправленъ въ Россію и поэтому долженъ сейчасъ же собираться. Приказаніе это мною было исполнено съ невыразимымъ восторгомъ, и минутъ черезъ двадцать я уже былъ готовъ.

На другой день часовъ въ 10 утра въ таможенномъ сараѣ гор. Засницы насъ раздѣли до гола и произвели самый тщательный обыскъ, перещупавъ до послѣдней нитки всю одежду и переломавъ папиросы и сигары. Это было послѣднее вниманіе, оказанное намъ нѣмцами, и черезъ полчаса шведскій пароходъ уносилъ насъ отъ нѣмецкой культуры.

Изданія состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА для выдачи пособій потерявшимъ на войнѣ способность къ труду воинамъ.

Петроградъ, Мытнинская ул., 27.

---

1. Большой стѣнной портретъ **Е. И. В. ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, исполненный особымъ способомъ, такъ называемой—„глубокой печати",—дающей эффектъ лучшей дорогостоющей гравюры. Экз. . . . . Цѣна 3 р.

2. Портретъ съ собственноручною подписью **Е. И. В. Великаго Кн. Николая Николаевича**, размѣромъ 25×16 см., исполненный по способу „глубокой печати" и наклеенный на плотную альбомную бумагу . . . . Цѣна 75 к.

3. Репродукція въ краскахъ съ картины, сост. собственность Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА: **„Единеніе Царя съ народомъ"** . . . . Цѣна 2 р.

Исключительное право репродукціи этой картины принадлежитъ Скобелевскому Комитету.

Великая Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. На память русскому народу Ѳ. Ѳ. Скворцовъ. . . . . Цѣна 40 к.

„Бѣлый генералъ"—М. Д. Скобелевъ.—Въ народныхъ сказаніяхъ со снимками съ народныхъ лубочныхъ картинъ. Л. В. Евдокимовъ. Изданіе 2-е . . . . Цѣна 40 к.

„Священный стягъ". Сборникъ новыхъ стихотвореній на сюжеты текущихъ военныхъ событій. Дмитрія Цензора. Изданіе 2-е дополненное . . . . Цѣна 75 к.

„Поклонъ героямъ". Стихи Изабеллы Гриневской. 1915 г. . Ц. 60 к.

„Отзвуки войны". Сборникъ стихотвореній А. К. Съ предисловіемъ автора и приложеніемъ стихотвореній М. Конопницкой: „Къ границѣ". 1915 г. . . . . Цѣна 60 к.

„Зарницы войны". Е. Руссатъ. Повѣсти, разсказы и наброски съ театра военныхъ дѣйствій . . . . Цѣна 1 р. 25 к.

„Впередъ смѣлѣе". Сборникъ стихотвореній на сюжеты текущихъ военныхъ событій Е. Хмельницкой . . . . Цѣна 60 к.

„Гадины тыла". Н. Н. Брешко-Брешковскій . . . . Цѣна 1 р. 50 к.

„Мирные завоеватели". Маркъ Чертванъ. . . . . Цѣна 35 к.

„Пѣсни о нѣмцахъ и туркахъ". В. М. Голиковъ (Wega) . . . . Цѣна 1 р. 25 к.

„Шпіонъ" по мемуарамъ нѣмецкаго шпіона. Переводъ Е. Руссатъ . . . . Цѣна 1 р.

„Капля крови". А. Липецкій . . . . Цѣна 1 р.

Еще пѣсни про войну. А. Арсиковъ-Суринъ . . . . . Цѣна 25 к.

Пребываніе въ германскомъ плѣну и геройскій побѣгъ изъ плѣна. К. Ю. Румша . . . . Цѣна 1 р.

4—

Руководство къ постройкѣ обмундированія и снаряженія для нижнихъ чиновъ всѣхъ казачьихъ войскъ, кромѣ кавказскихъ и гвардейскихъ казачьихъ частей. Составилъ И. Тонконоговъ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное . . Цѣна 1 р. 65 к.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ:

1. **Наши казаки въ великой борьбѣ народовъ.** 2 тома. Собралъ И. Тонконоговъ. . . . . Цѣна тома 1 р.
2. **Сборникъ разсказовъ участниковъ и военныхъ корреспондентовъ 2-й отечественной войны.** Книга для народнаго и солдатскаго чтенія и ротныхъ собесѣдованій. Собралъ И. Тонконоговъ. . . . . Цѣна 1 р. 25 к.
3. Повѣсти и разсказы изъ народной жизни и военнаго быта Второй Отечественной войны, сочин. извѣстныхъ русскихъ литераторовъ: Брешко-Брешковскаго, Ап. Коринфскаго, А. Рославлева, А. Ремизова, В. Муйжеля, Будищева, Шишкова, Снѣгиной, Карпова, Ю. Слезкина, Вл. Ленскаго, С. Г. Скитальца, В. Кохановскаго и др. авторовъ. Всего 36 книгъ . . . . . Цѣна 3 р. 60 к.

„Казачья пѣсня“. Слова Агнивцева. Музыка Ю. Р. Кельберга . . . . Цѣна 40 к.

Побѣдный маршъ. Слова Е. Хмельницкой, музыка Ростроповича . . . . Цѣна 50 к.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА.

На прекрасной мѣловой крашенной бумагѣ, отпечатанныя въ краскахъ, съ акварелей извѣстныхъ художниковъ: на современныя военныя темы, новогоднія, патріотическія и т. д.

Отпечатанныя способомъ „Дуплексъ“, съ фотографій съ фронта: **Е. И. В. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ** въ дѣйствующей арміи; боевые эпизоды на сушѣ и на морѣ и т. д.

Отпечатанныя особымъ способомъ, такъ называемой „глубокой печатью“, по фотоэтюдамъ и спеціальнымъ рисункамъ извѣстныхъ художниковъ на современныя темы, праздничныя и др. сюжеты.

Всегда имѣются новинки

по 10 коп. штука. Около 50 различныхъ сюжетовъ.

P. S. Прошлогоднія открытки—до 80 сюжетовъ—разошлись полностью и возобновляться не будутъ.

Почтовая бумага и конверты въ коробкахъ **„Три флага согласія“** коробка . . . . Цѣна 2 р. 50 к.

Заказы Комитетомъ исполняются отъ 50 коп.

При требованіяхъ не менѣе чѣмъ на сумму 2 р. 50 к. пересылка за счетъ Комитета.

Цѣна 1 руб.

Тип. Имп. Ник. воен. акад. Петроградъ. Суворовскій пр., 32-б.